

СМЕНА

17-18
1946

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Календарь "СВЕТНЫ"

Отросток владимира Мосоновской консерватории.

ЮБИЛЕЙ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

1 сентября 1866 года в Москве открылся Высший музыкальный институт имени Чайковского, — это означало объединение об этом торжестве в своих воспоминаниях профессор Н. И. Каппелъ, — присутствие не распадались. У многих учащихся музыкальные события связаны юбилей. Почти сидела П. И. Чайковский, слышавшая учеников оперы «Русан и Людмила Гаврилы, для того чтобы перешли в музыкальную консерваторию и преподавание гениального руководящего русского музыканта.

Консерватория, иррадируя сейчас такую крупную роль в развитии советской музыкальной культуры, тогда, в царской России, не пользовалась надеждой государства. Она была подвита на средства, собираемые от инициативной частной лиц и на доходы симфонического общества Русского музыкального общества. Только при советской власти консерватория стала государственным учреждением. Секрет об этом был подписан в 1918 году.

В годы советской власти на ите консерватории вышло несколько замечательных музыкантов. В первом международном конкурсе пианистов имени Шопена в Варшаве блистательно выступил аспирант Московской консерватории Януш Оберман, прозванный первым яном. Лауреатом этого конкурса стали также советские пианисты Юлий Броцкий и Григорий Гаврилов. Третье место советской фортепиано и скрипичной школы явились по последнему выступлению наших музыкантов в международном смотре пианистов и скрипачей в Лондоне. Эдвард Гилельс, Яков Флорин, Пела и Игорь Емельянов, Тома Гаврилович, Маргарита Коркина и другие неизменно заняли первые места.

Сейчас Московская консерватория воспитывает на пяти отделениях бакалавриата тысячи студентов. В ней начинаются одаренные, обладающие талантами, воле и исполнительны и музыканты, добившиеся выдающихся результатов. При консерватории есть также отделение музыкальная школа и музыкальное училище.

Непознавая в этом году восмидесятилетия своего существования Московской консерватория отмечает юбилей творческих выступлений учеников. Среди

Новое здание Московской консерватории.

них юбилей поставила опера «Евгений Онегин» в исполнении молодых. Выбор оперы не случаен. 17 марта 1859 года эта опера впервые исполнялась, по желанию самого П. И. Чайковского, впервые исполнялась, по желанию учениками консерватории.

ГЕРОИ КРАСНОДОНА

13 Равнина весна 1943 года. По уланам Краснодонской, необитаемой, шахтёрского городка в донецкой области, прохладит передовые части Красной Армии. Вечер спит георолов был в руках фашистских захватчиков. Дома, спавшие, уланы хранят следы их бесценных преступлений.

Шахта № 5. Под её взрывавшим, разрушившим конвоям, в галбюном шурфе, скрывает страшное злодеяние фашистов. Этот шурф — место казни юных подпольщиков Краснодона, казню комсомольской организации «Молодая гвардия».

«...Траурный митинг. Истеричные мёртвые тела героев лежат в братской могиле на городской площади. И снова в словах ораторов вскрываются подробности бесценных жертв на войне».

— О молодых матерях мы вспоминаем с болью.

Людмила, участница «Молодой гвардии».

Ты любила, о свободной, — говорил Олег Кошевой, иривая свои думы к борьбе. — Мы будем драться, как дрались наши отцы. — До носовиде казнь кровью, до последнего вдоха, мы найдём на муку и смерть, но с чество вымыслим наш долг перед отечеством.

— Последняя привязанность. Последняя привязанность, вступила до камер и страшною ночью казнили Ульяну Тримова. — Не попусти на казнь. Не попусти на улашки городка. Мы будем драться до конца. — Иначе.

Они выжидали и этот, последний приказ. Когда везенье было, выжидали на казнь, они знали любимую невесту. Пела Сергеев Тольянова, которую иривая сложил являлись, выжидали иривая казнь. Пела Сергеев Тольянова, которую иривая сложил являлись, выжидали иривая казнь.

«Зачем ты жила, невеста, Ты слезами смывала печаль. В борьбе за рабоче дело Ты слезами смывала печаль...» 13 сентября 1943 года ириваясь нестерпимо пришло на пяти руководящих «Молодой гвардии» — Олегу Кошевому, Ивану Топорнову, Григорию Топорнову, Сергею Тольянову и Людмиле Шевцовой — вышло задание Героя Советского Союза.

С тех пор прошло три года. Но в сердце предвидеть и трепета, и многие сотни лет, и являющийся народы не умрут, не боится для выжидающей «Молодой гвардии». Вечно будут звать они советскую молодёжь.

и юным подвигам по ите Родины, во имя партии, мы исследуем иривые слова, выходящие из потающей пласты крикомлющих.

«И капля крови горячей вышлет, как слеза, вскакивает по чужим являющимся»

И много слышим сердца аявляющегося.

СТАЛИНГРАДСКИЙ ТРАКТОРНЫЙ

14 «...На равных мест иривать людей. И неспеша величавой, грозной стени ступали вперёд, как танкостроители, все больше и больше. Это были танкостроители — молодёжь, приривая комсомолом на стройку Сталинградского тракторного завода.

«И являющийся это молодёжь, — писал М. Горький, — на месте достижений в 1928 году, тогда серия огромного голого года, лишь кое-где кружила жемчужная гасящая булбунга гиганта, создавая новое иривые этой молодёжь и трепетно и, организующий грозные кадры, в скрежете и ириваясь жемчужинами, бегущими вперёд».

Очень трудно было иривать в эту табулированную суету, чтобы являющийся беспрерывную работу, чтобы являющийся покаявлю, что покажут, не знают являющийся, да и жить тоже не хватало. Но, вот, как...

За 11 месяцев был востроен СТЗ — самый крупный в те годы тракторный завод в мире. И его стени, просторный цехок тракторного завода, впервые стояли на равных с сложнейшей техникой являющегося поточного производства.

Инициатором 17 месяцев, чтобы являющийся беспрерывную работу, чтобы являющийся покаявлю, что покажут, не знают являющийся, да и жить тоже не хватало. Но, вот, как...

Инициатором 17 месяцев, чтобы являющийся беспрерывную работу, чтобы являющийся покаявлю, что покажут, не знают являющийся, да и жить тоже не хватало. Но, вот, как...

Инициатором 17 месяцев, чтобы являющийся беспрерывную работу, чтобы являющийся покаявлю, что покажут, не знают являющийся, да и жить тоже не хватало. Но, вот, как...

«СЛАВНОЕ ПЕРО» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

27 Осенью 1852 года гредящие знакомы И. А. Гончаров. В ириваяющийся необычайное явление: Иван Александрович решил отправиться в критическое путешествие. Друзья Гончарова, являющиеся его друзья, являющиеся, его ириваяющийся равнодушно являющийся, этому случаю. Но ириваяющийся, что он действительно «командирован» для ириваяющийся «документы секретаря» в экспедицию, направившуюся в Японию.

И. А. Гончаров.

«...На равных мест иривать людей. И неспеша величавой, грозной стени ступали вперёд, как танкостроители, все больше и больше. Это были танкостроители — молодёжь, приривая комсомолом на стройку Сталинградского тракторного завода».

«И являющийся это молодёжь, — писал М. Горький, — на месте достижений в 1928 году, тогда серия огромного голого года, лишь кое-где кружила жемчужная гасящая булбунга гиганта, создавая новое иривые этой молодёжь и трепетно и, организующий грозные кадры, в скрежете и ириваясь жемчужинами, бегущими вперёд».

Очень трудно было иривать в эту табулированную суету, чтобы являющийся беспрерывную работу, чтобы являющийся покаявлю, что покажут, не знают являющийся, да и жить тоже не хватало. Но, вот, как...

За 11 месяцев был востроен СТЗ — самый крупный в те годы тракторный завод в мире. И его стени, просторный цехок тракторного завода, впервые стояли на равных с сложнейшей техникой являющегося поточного производства.

Инициатором 17 месяцев, чтобы являющийся беспрерывную работу, чтобы являющийся покаявлю, что покажут, не знают являющийся, да и жить тоже не хватало. Но, вот, как...

Инициатором 17 месяцев, чтобы являющийся беспрерывную работу, чтобы являющийся покаявлю, что покажут, не знают являющийся, да и жить тоже не хватало. Но, вот, как...

Инициатором 17 месяцев, чтобы являющийся беспрерывную работу, чтобы являющийся покаявлю, что покажут, не знают являющийся, да и жить тоже не хватало. Но, вот, как...

Инициатором 17 месяцев, чтобы являющийся беспрерывную работу, чтобы являющийся покаявлю, что покажут, не знают являющийся, да и жить тоже не хватало. Но, вот, как...

«СЛАВНОЕ ПЕРО» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
27 Осенью 1852 года гредящие знакомы И. А. Гончаров. В ириваяющийся необычайное явление: Иван Александрович решил отправиться в критическое путешествие. Друзья Гончарова, являющиеся его друзья, являющиеся, его ириваяющийся равнодушно являющийся, этому случаю. Но ириваяющийся, что он действительно «командирован» для ириваяющийся «документы секретаря» в экспедицию, направившуюся в Японию.

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Сентябрь, № 17—18, 1946 год.

Год
издания
23-й

В РАЙОНЕ ПЕРИОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЖДА

На книжной полке советского человека появились две новые книги. Они заняли место среди самых важных и дорогих советского человека изданий. Миллионы людей скажут вам их названия, чтобы почерпнуть новые знания из великой идейной сокровищницы — Сочинений Иосифа Виссарионовича Сталина. Да, тома порогов названия Сочинений И. В. Сталина, уже вышедшие из печати, дали новый мощный толчок идейной жизни большевистской партии, всего советского народа, его молодого поколения. Советская молодежь в своем духовном росте опирается на гранитную основу — идеологию большевистской партии. Уставные коммунистические мировоззрения, принципы конечи и доминируют становятся людьми нового мира, сознательными деятелями величайшего в истории человечества времени. Вместе с произведениями Владимира Ильича Ленина труды Иосифа Виссарионовича Сталина служат для нашей молодежи подлинным университетом коммунизма, руководством к действию в борьбе за коммунизм.

В советской печати уже были опубликованы размеренные выступления на первые два тома Сочинений И. В. Сталина. Настоящая статья преследует гораздо более скромную задачу: напомнить молодежи несколько знаменитых из тех лет жизни Иосифа Сталина, когда он создавал свои замечательные произведения, вошедшие в первый том Сочинений.

«1901 — 1907» — обозначено на титульном листе первого Сочинения И. В. Сталина. Открывается том статьей, написанной товарищем Сталиным осенью 1901 года, когда ему не исполнилось еще двадцати двух лет. Уже к этому времени товарищ Сталин был революционным политиком, полностью посвятившим себя революционной работе. Оставая службу в Тифлисской физической обсерватории после отбытия на его квартиру, товарищ Сталин переходил на нелегальное положение. По его инициативе создаётся нелегальная грузинская газета «Врдола» («Борьба»), для первого номера которой и была написана статья, открывающая первый том Сочинений.

Статья товарища Сталина была в газете передовой и называлась «От редакции». Она объясняла товарищам обстановку, подчеркивая, что издание нелегальной газеты стало делом необходимым. Газета, писал товарищ Сталин, должна указывать путь революционному пролетариату, который «привалит историческое освобождение человечества и дать миру счастье» (Сочинения И. В. Сталина Т. I, стр. 8). Выполнив эту свою роль, газета должна «стать возможно ближе к рабочей массе, иметь возможность постоянно влиять на неё, быть сознательным и руководящим её центром» (там же, стр. 8). Так сорок пять лет назад определял товарищ Сталин промышленную и организующую роль печати в рабочем движении, необходимость её неразрывно-глубокой связи с массами.

Замечательная следующая статья в первом томе Сочинений И. В. Сталина — «Российская социал-демократическая партия и её ближайшая задача». Она также была опубликована в газете «Врдола» в ноябре — декабре 1901 года.

В те годы, когда писалась Иосифом Виссарионовичем эта брошюра, в первый том Сочинений, Ленин и Ленинские закладывали основы марксистско-ленинской партии. Вместе с Лениным строил партию товарищ Сталин, отстаивая, обо-

стоявывая и развивая ленинское учение о партии нового типа. В Закавказье усилиями товарища Сталина создаются организации ленинско-искровские организации.

В ноябре 1901 года собирается первая конференция Тифлисской социал-демократической организации. Товарищ Сталин избирает в состав Тифлисского комитета РСДРП. По поручению комитета он едет в Батум создавать социал-демократическую организацию.

Товарищ Сталин поселился в рабочем районе Чаба, политически просвещает и сплачивает рабочих. «Однажды, в конце 1901 года, — вспоминал один из старых батумских рабочих рабочий Нарвадзе во время Парфрия Курдзе сказал мне, что у него на квартире в Барихане состоялся собрание рабочих, на котором присутствовали известные революционеры, приехавшие из Тифлиса. В названный день я пришел к Курдзе в Барихану — на окраину Батума. Я думаю, что прежде раньше всех Кикова же было мое удивление, когда я увидел, что все комитет уже заложено в рабочих, которые, тесно сгруппировавшись, возмущают молодого человека, внимательно слушая его слова. Это товарищ Сталин проводил собрание одного из своих кружков».

Товарищ Сталин был прекрасно связан с массой рабочих и детально знал жизнь рабочих. Все, что он объяснял, он тесно связывал с конкретными фактами на жизни рабочих, и оттого его речь была так понятна нам.

Он рассказывал нам о революционных выступлениях рабочих в других городах, говорил, что и мы, батумские рабочие, должны организоваться и выступить на борьбу с самодержавием, против капиталистов¹.

Речь товарища Сталина на созываемых в Батуме рабочих сходках, его листовки, напечатанные в созданной им типографии, были мастерским приложением принципа, который сам он выдвинул в газете «Врдола»: «Связать систематически социализм с конкретным значением, с которым сталкиваются рабочий» (т. I, стр. 9).

И в Сталин теоретически обосновывала и практически осуществляла в Закавказье великое историческое дело соединения социализма с рабочим движением, о котором писал в статье «Российская социал-демократическая партия и её ближайшая задача».

Читатель находит в этой статье очерк развития революционного движения в России, изложенный в немногих словах, но необычайно просто, глубоко и образно. В полный рост ставит товарищ Сталин задачу революционной политической борьбы и бичует оппортунизму, готовых ради злодей грошовой политики «совершенно забыть свой великий долг, свой великий долг» (стр. 17). Чтобы повести русский народ к свободе, рабочий класс должен «организоваться в самостоятельную политическую партию» (стр. 30—31).

Поднимая вместе с Лениным знамя боевой революционной партии, товарищ Сталин смело смотрел вперед, и его острый взор различал уже, что достаточно пройти двоя — трёх годов, — и перед царской властью «явится призрак народной революции» (стр. 28).

Ворой в победу революции вела от каждой строки, написанной рукою Сталина, от каждого его слова. Эта вера

продолжала всем, кто слышался восторгом в те годы в Батуме. В ноябре 1901 года в Батуме товарищ Сталин создал конференцию представителей социал-демократических кружков. Была выдвинута, во главе с товарищем Сталиным, революционная группа, которая фактически сыграла роль Батумского комитета РСДРП ленинско-искровского направления. Эта памятная конференция рано передает тон боевой дух, который уславливал руководящим товарищем Сталиным рабочие. Слушая его речь, один из участников собрания не мог сдержать волнения и воскликнул: — Я не хочу умереть в своей постели. Как жалкий трус! Я хочу отнять все свои силы, всю жизнь этой борьбе!

За товарища Сталина рабочие поднимали пост.

Ты первый факел дал батумским рабочим. Железом тебе вбить так же ярмо дал рабочего класса долги, долги годы. Становит батумский рабочий тов. Курдзе. Вспоминает, что, когда мигнула эта посланная ночь 1901 года «когда в сиянии проливной свет зари, Сталин подняла бокал и сказал:

— Ну, вот и рассвет! Скоро встанет солнце. Это солнце будет сиять для нас! Все шире разовьется революционная деятельность товарища Сталина в Батуме. Он руководит забастовками на заводах, выводит рабочих на митингосты. Он вводит в жизнь традиционную политическую демонстрацию 8 марта 1902 года. Парские войска стреляют в демонстрантов. В ту же ночь он пишет листовку.

Рассказ одного из старых батумских Закавказья хорошо передает обстановку, в которой создавались сталинские произведения:

«Долго не забуду той ночи... Тесная комната, отдала освещенная керосиновой лампой. За маленьким круглым столом сидит Сталин и пишет. С боку у него — типографский станок, у которого висят наборщики и Коля Кавказки. Шрифт разложен в спичечных и папиросных коробках и на бумажках. Товарищ Сталин частями передает наборщикам написанное. Поминутно и Коля выходит по двору и चुток вслушивается в ночную тишину. Наконец Сталин кончил писать. Вста и прочитал нам написанное».

Текст прокламации прозвучал на всех нас большое впечатление. Товарищ Сталин арестовывал на заседании батумской руководящей партийной группы. До осени следующего года его держат в тюрьме и на восточном побережье «поселили» в Восточную Сибирь. К этому времени относится его первое, еще заочное, знакомство с Лениным: товарищ Сталин получает письмо от Владимира Ильича с указанием задач партии на ближайший период.

Товарищ Сталин рвется к работе и уже через сорок дней бежит из ссылки.

Каким, раз, ушел после полуночи, — вспоминает Никита Курдзе, — я услышала стук в дверь. Спрашиваю: «Кто там?» — «Это я, отропы». — «Кто ты?» — снова переспрашиваю. — «Я... Сосой». И я говорю: «Вот ты и не произноси имени народа! Да зарежут тебя тысячу раз!»... Вскоре он уехал в Тифлис. Оттуда мы получали от него письма. Товарищ Сталин руководил тогда Кавказским земельным комитетом².

¹ «Российские старые рабочие Закавказья о ленинском Сталине», стр. 40—41. «Молодая гвардия», 1937.

² «Российские старые рабочие Закавказья о ленинском Сталине», стр. 76. «Молодая гвардия», 1937. ³ «Грузинская демократия 1902 года», стр. 89.

Иосиф Виссарионович Сталин. (Фотография начала 900-х годов).

Относящиеся к этому времени сталинские произведения показывают, с какой полнотой и гармоничностью товарищ Сталин, неутомимо работавший в революционном подполье, сочетал в себе практически-организационный опыт революционного движения с теоретической мощью — качества вождя нового типа, на которые указывала Иосиф Виссарионович, говоря о Ленине.

Вместе с Лениным товарищ Сталин двинул вперед теорию большевизма. Ленин в знаменитой работе «Что делать?» разрабатывает идеологические основы большевистской партии. Ленинские идеи остаются и развиваются товарищ Сталин в брошюре «Коротко о партийных разногла-

сиях», в статье «Ответ «Социал-демократу», в двух «Письмах из Кутанса» (эти письма впервые публикуются в печати). В «Письмах из Кутанса» товарищ Сталин показывает, что Ленин творчески разрабатывает вопросы теории и именуется общепризнанно в этих работах идею ленинской «Называю её, — пишет товарищ Сталин, — ленинской, потому что именно в русской литературе не высказывала её с такой ясностью, как Ленин» (т. I, стр. 58).

Именно те вопросы, которые выдвигала общественная жизнь и которые имели решающее значение для судьбы революционного движения, находила разработку в произведениях Ленина и Сталина. Так,

интересы освободительного движения пролетариата и задачи разгрома оппортунистов требовали обоснования роли и значения революционной теории. Это было блестяще проделано Лениным и столь же блестяще защищено и развито товарищем Сталиным.

Поразительная ясность, простота и образность сталинского изложения теоретических вопросов помогает молодому читателю, изучающему его произведения, глубоко усвоить важнейшие положения марксизма-ленинизма. Вот, например, как разъясняет товарищ Сталин вопрос о взаимоотношении научного социализма и рабочего движения, о стихийности и сознательности в рабочем движении:

«Что такое научный социализм без рабочего движения? Компас, который, будучи оставлен без применения, может лишь заржаветь, и тогда пришлось бы его выбросить из борта».

Что такое рабочее движение без социализма? — Корабль без компаса, который и так пристанет к другому берегу, но, будь у него компас, он достиг бы берега гораздо скорее и встретил бы меньше опасностей.

Соседините то и другое вместе, и вы получите искривленный корабль, который прямо поплывёт к другому берегу и неверными путями достигнет пункта назначения.

Соседините рабочее движение с социализмом, и вы получите социал-демократическое движение, которое прямым путём устремится к «обетованной земле» (т. I, стр. 102—103).

О статье товарища Сталина «Ответ «Социал-демократу» с высокой похвалой отзывался Ленин. В статье «Социал-демократу» мы отметили прекрасную постановку вопроса о знаменитом «внесении сознания извне», — писал Владимир Ильич. Сочинения, вошедшие в первый том, показывают, что молодой Сталин был таким же непреклонным в защите ленинских организационных принципов партии, как и в отстаивании её идеологических основ. Удивительно, но II съезде партии товарищ Сталин не мог он бы в тюрьме. Вернувшись из ссылки, он развёртывает в Закавказье борьбу за созыв III съезда, громит меньшевиков, защищает ленинский организационный принцип построения партии. Этот неям блестяще послужила его статья «Класс пролетариата и партия пролетариата» по поводу первого пункта устава партии». В принципе, программа товарища Сталина вела облик партии, которую своей идейной и организационной сплочённостью, облик партии — «крестовица, двери которой открываются лишь для достойных» (стр. 67).

Революционная партия пролетариата в условиях многонациональной России представляла как организация, но знающая национальных черт. Национализм — явление разумея рабочего класса — такой был коварный ход буржуазных националистов. Поэтому огромную важность имело бесспорно и исторически значимое выступление товарища Сталина в работе «Как понимать социал-демократия национальный вопрос?». Уже в тот период он выступал крупным теоретиком национального вопроса. Глубокая научность поразительно сочеталась в работе И. В. Сталина с твёрдой партийностью, особенностью марксистского подхода к национальному вопросу соединяется с разноточными идеями националистических групп в Закавказье.

Революционные рабочие Закавказья прозвали товарища Сталина «Коба», что значит «Бестрашный». Это прозвище оставалось за товарищем Сталиным как его партийная кличка. В то же время, находясь в первой русской революционной буре, товарищ Сталин зовёт покончить с самодержавием и расчищать путь к дальнейшему победоносному маршу. Он повинуется в то одно, то в другом районе Закавказья и на глазах у рабочей массы развивает в дискуссиях схватки меньшевиков, флора, асов, анархистов. Он ищет и находит большевистскую организацию, и итогом его усилий является создание на Кавказе, как это отмечал III съезд, «наиболее боеспособной организации нашей партии». В Закавказье Сталин создаёт Авабарская типография, беспримерная по своей мастерской организации. В декабре 1904 года товарищ Сталин руководит знаменитой всеобщей

стачкой бакинских рабочих, послужившей скачком претворения молнии накалившей великой революционной бури».

Наступает 1905 год. Товарищ Сталин пишет в январе 1905 года воззвание «Рабочие и солдаты! Пора встать!» Чрезвычайно это воззвание, наша молодёжь не только глубоко понимает и чувствует общественную обстановку в России того времени (товарищ Сталин уподобляет Россию тогда заржавшему ружью с припороженным, могущему разрядиться от малейшего сотрясения); неизгладимое впечатление оставляет также выдающаяся революционная деятельность товарища Сталина.

Разоблачая самодержавие, лидером провозглашающее политику «примирения», товарищ Сталин пишет в феврале 1905 года воззвание. Оно призывает передать забвению сытый нагаек и жужжащие пль, сотни убийств героев-товарищей, их славы нете, вставшие вокруг нас и ищущие нам: «Отомстите!» (т. I, стр. 76).

Нельзя без волнения читать ставлинскую прокламацию «Граждане», начатанную в октябре 1905 года в Авабарской типографии. Величественно и грозно звучат её слова, призывающие к борьбе с революционными событиями встаёт из её борту:

«Могучий великан — всероссийский пролетариат вновь зашевелился... Россия одолжена бирюкам посетителям стачечным движением. Как по мановению волшебного жезла, на всём необъятном пространстве России жизнь сразу остановилась. В одном Петербурге с его железными дорогами забастовало более миллиона рабочих. Москва — тихая, недвижная, первая Романовым старая столица — вся охватывающая революционным пожаром. Харьков, Одесса, Казань, Воронеж, культурные и промышленные центры, все сиринья и южная Россия, все Польша и, наконец, весь Кавказ остановились и грозно смотрят на стачку самодержавия. Что это будет? С претогом и с замирением сердца ждёт вся Россия ответа на это вопрос» (стр. 183).

В статье этого времени товарищ Сталин поднимает революционный вопрос культуры. Как и Ленин, он стоит на позициях творческого марксизма. Он раскрывает новые оригинальные черты русской революции. Он ставит и задаёт предельно революционный правительству — закрепление победы революции, борьба с контрреволюцией, проведение нашей программы-минимум, созыв всеармянского претого собрания, — автор статьи спрашивает, кто должен составлять это правительство, и справедливо отвечает: «Представители тех, кто на улице зовут свободу!».

«Статья «Временное революционное правительство и социал-демократия» различает характер претоящей революции и указывает на пролетариат и крестьянство, как главные силы этой революции. Объясняет роль и значение претоящего революционного правительства — закрепление победы революции, борьба с контрреволюцией, проведение нашей программы-минимум, созыв всеармянского претого собрания, — автор статьи спрашивает, кто должен составлять это правительство, и справедливо отвечает: «Представители тех, кто на улице зовут свободу!».

В начале декабрьского восстания состоялись «Гамфрейсовская конференция большевиков, где провозглашена программа товарища Сталина с Лениным. Об этом товарищ Сталин рассказал в своей речи о Ленине на ветере крымских курортников».

«Восстание Ачинским и Сталинским ярым большевиков не распространяет при поражении декабрьского восстания. Духом революции» (стр. 203).

* «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 64.

* «Проклятая революция» № 4 на 1934 год.

* И. В. Сталин «О Ленине», стр. 20, 204.

апокалиптической гонимости Сталин проникнуть в историю революции. Товарищ Сталин, который писал в январе 1906 года:

«Нет, товарищи! Российский пролетариат не разгромил, он только отступил и теперь возмущен в гонимый сланный бой. Российский пролетариат не опустит обречённого кровью знамени, он никому не уступит руководства восстанием, он будет единственным достойным вождём русской революции» (стр. 203).

Вместе с рядом других замечательных произведений в первый том Сочинений вошла и заключающая его выдающаяся статья о ленинском труде «Анализ работы «Анаризм или социализм?».

В Грузии в конце 1905 и в начале 1906 года группа анаристов открыла поход против социал-демократов. Несоответствие в вопросах теории, анаристы «опровергали марксизм с помощью беззастенчивого его искажения и выдвигали ряд исторически вопросы, чтобы проткнуть свои, враждебные делу революции взгляды».

Против анаристов выступил товарищ Сталин в своей статье под общим названием «Анаризм или социализм?».

Для философского образования советской молодёжи необходимо основательно знать эту произведение И. В. Сталина, дающее изложение, обоснование и развитие основных вопросов диалектического и исторического материализма.

Преклонная ясность и простота изложения помогают усвоению сложных теоретических вопросов. Вот, например, как разъясняется в работе товарища Сталина вопрос о двух формах движения: «... есть движение в пространстве и движение в общественной жизни и «декартские» или, когда пролетариат, разогнута сила, падая на склады оружия и шёл в атаку на революцию. Но общественным движением надо думать и в общественном производстве, когда пролетариат в условиях «мирного» развития ограничивался отдельными забастовками и созданием мелких профсоюзов. И вот, что движение имеет различные формы».

И вот диалектический метод говорит, что движение имеет двоякую форму: эволюционную и революционную» (стр. 300).

Товарищ Сталин объясняет, что эволюционная форма движения связана с количественными изменениями, революционная с качественными. Затем следует четкая логическая формула:

«Эволюция подготавливает революцию и создаёт для неё почву, а революция завершает эволюцию и содействует её дальнейшей работе» (стр. 301).

Товарищ Сталин характеризует марксизм как цельное, всеобъемлющее мировоззрение. Указывая важнейшие стороны этого мировоззрения, товарищ Сталин оказывает неоценимую услугу. Он приводит к глубокому пониманию исторической закономерности торжества социалистических порядков.

«Социалистический строй», — говорит товарищ Сталин, — с такой же неизбежностью последует за капитализмом, как за ночью следуют день» (стр. 340).

Первый том Сочинений И. В. Сталина небыл читателем замечательное идейное богатство. Он привнесет ему большевистское мировоззрение, обогащает несравненным историческим материалом, даёт основы партии. Он вдохновляет для борьбы за великую цель — построение в нашей стране коммунизма. Отдавшие всю свою кипучую энергию делу революции большевистской партии, члены первой том Сочинений И. В. Сталина, зашифнут в своих сердцах прекрасные слова ленинского учения:

«Великая энергия рождается лишь из великой страсти».

* «Проклятая революция» № 4 на 1934 год.

стр. 15.

* «ВКП(б) в революциях», ч. I, стр. 49.

«Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье».

А. Пушкин, «Кавказ».

голоу в тесное окошко сенокоса и увидел у ворот мать и... кузница Тихона.

— Присядь! — сказал неожиданно басил Тихон — Наушим. Я даю примечко, что малец кузнец интересуется. Да вот, видишь ты, попутить хотел, а он такого стрелачка задал, что ни знаешь, куда пошел.

Не то Семка чем-нибудь выдал своё присутствие, не то это произошло случайно, но кузнец посмотрел вверх и увидел торчашую в окошке выскочившую засорённую сеном голову.

— А вот он, сосолой! Высоко залезет, под самую крышу... Ну, ну, твоё счастье, Семёй! Придти завтра на работу, подучимн будешь. С момента поступления в кузницу для Семки началась новая жизнь.

Теперь, когда он сам был участником работы, всё представлялось ему ещё необыкновеннее и интереснее. Ему нравился вымывавший в горле пехотские горлаковаты острый аромат, наполнявший кузницу по утрам, когда заново развоздас оставший за ночь горя. Яркий запах новеньких кожаных мехов и сыростый запах кирпичных стен встречали его теперь ежедневно, как только он вскрывал ворота. Даже синие чертёжные оклянки услышавшие земной под, начинали переливаться в кузнице в солнечном свете, проливающим в башню вместе с Семёй.

Теперь он по обязанности приходил сюда раньше всех. Он приносил из сарая запас сеном, званенного в куде дрявского угля, подметал пол, наливал в горновое колоду воды и наконец, разводил самый горя.

Когда над чёрной грудой валоженного в горя угля сперва вставала клуб дымовит-снего дымка, а потом вдруг выпрыгивали оранжевые и жёлтые языки и пучки, зарискуя над воющим соломом, тогда в груды у Семки тоже что-то начинало звенеть и разгортаться.

Солнце из красного ещё не успевало сделаться белым, как в кузнице Тихон и Володя Гринь. В кузнице к этому времени всё уже было прибито и приготовлено.

— Дело, дело, Семёй! — одобрительно гваривал Тихон, не высказывая, впрочем, прямой похвалы. — А ну, поубочишь, пачкай!

И работа начиналась.

Каждый раз, когда прибывал свежий уголь, над горном начинали вымываться откошенные молотки в синюю рубашку и Володя Гринь, и узоры узоры сотривала землю. Тихон, подгоняя молотобойцев, деловито и быстро избирался выкову.

Теперь, с появлением Семки, дело шло споро. Кажалось, в кузнице только и не хватало богатого, безбедного мальчишки. Как ни мало мог и умел Семка, но с его участием изменялись самый темп работы. И Тихон нередко покрикивал в весёлом раздражении:

— А ну, медляй, ребята! Шаинка! ша ещё разок! Гринь! А ну, ещё разок, ещё, ещё!

Ворота Тихон от одностороннего движения правой руки «быхал» в сторону. И такой вот вымывавши глазами он вымывал и подметал мёртвыми ледям, про которого рассказывала ему жившая в Сибири бабка Аграфена.

Тихон был не совсем обыкновенным человеком. В большом, грубо сколоченном теле его таились странная смесь: есть в нём и людская мудрость, но она прикрывалась во всем.

— А нука, поддай отомку! — покрикивал он на Семку. Живо, живо! Чего зямлять?.. Аля червячий сон десматрирует!

Но в окриках его не было раздражения, выходя, обращавшись к маленькому помощнику, светился ласковой добротой. Чувствуя это, Семка очень скоро, верстал больше Тихона. Работать с кузнецом было легко и весело.

Уже до обеда около наковальни выростала селая горя пехотка. Семка и Володя просто работали, как работают некоторые, услышав лишь чёрной необходимости. Работа была для него радостью и потребностью, украшавшей жизнь. Заключив ковку, он не бросался в грязь, а вымывал и вымывал, а любовно осматривал её, как осматривают бы сына, отпускаемого в далёкую дорогу.

— Да! — выдал он. — Вещь ковать — не верёвку свить; разорвётся, узлом не свивешь. Ну, кемается, вон в порядке! Лети, пачкай, да хвост не вымывай!

Сказкой, ласково, как бы с сожалением, выслушал её из кашеда.

— Она душа у человека притит, — вынул он своим подручником. — Ну, скажем, свари мы эту ось кок-как, а завтра Марья Шевцова поедет за снопями да у Пихонина, и она скажет: Вот она и пошла, тогда до добрым словом всех твоих родичей, так что им и за обелом и за ужином искать будет.

Кузнец любил паромашить вслух, но раньше Тихон не слышал и слушать не любил. Большой Гринь, который только загадочно умывался и смотрел в зямлю, так что непонятно было, слушает он или нет. Теперь же в живых глазах долгогого Семки Тихон видел любовь к своему делу. Он давал и поощрял.

Интересовал мальчишку преимущественно дела практические: как куются серны, костилки, скобки, как произносятся сварки или закалки. Тихон выкидал и подучивал, но не удовлетовал и отвечал, меторовадно и обстоятельно. Кажалось, на свете не существовало ничего такого, чего он не знал бы или не мог объяснить. И лукавый Семка, иногда не без жалости, оценивал кузница пожелавшего голодомолком вопросом:

— А отчего, дядя Тихон, железу красное от огня делается и ковать его можно? Вон глина всё горит, и у дяди её же ковать можно!

Кузнец, вероятно для выжесты, устремляя сначала взор к черному, заколоченному потоку. Некоторые вреёма он молчаливо комкал в кулаке сноп борщухи.

— Ну, что ты тебе по-уёмному рассказывать не могу, — неожиданно громко говорил он. — Чернила мало исписал. По-моему, огонь с железом, а глина с водой прежде ердовиткована; сойдутся — обжуются, образуются. Вроде, им же не повадно! без воды глина рассыпается, а без огня и железу не выкиет.

Объяснение казалось чуждым, но занятием, и Семка продолжал допытываться:

— Почему огонь такой жарит да лёгкий? Всё вон пляшет, всё светится, никогда ему покою нет, а глина тяжёлая, лежит всё.

— Ну, это, брат, оттого, — ухмылялся кузнец, — что у огня душа судит да бойбачка, а у глины нет, а в глинне морозь одна, как в тётке Аграфье. Вот огонь-то и работает, трудится, а глина лежит да молчит...

Семка три года ходил по зимам в школу. Он хорошо понимал, что Тихон говорил да бойбачка, а у глины нет, и глина молчит, что учитель объяснил бы всё проще и яснее. Но ему было очень интересно представлять, что у огня такая же бойбачка, работавшая душа, как у сам одоверенный Петрушка Зявлянов, о котором до ноября писали во всех газетах, как о самом большом мастере, и что у глины такое же тёмное сердце, как у тётки Аграфьи, страшной войночки и непонято дождавшей на даше. Рядом с Тихоновым всегда представляли быть непонятными и чужими и наполнялись живым, человеческим смыслом. И хотя всё так же шла война и всё कुछ изменилось и бойбачка и маде, всё же всё было согрето огнём неустойной работы.

Время летело здесь легко и незаметно. По утрам Семка просыпался теперь с приятным чувством: рабочий день ещё казался ему праздником. Когда же поздно вечером он возвращался домой, всё тело у него сладко ило, гудело, гудело и ноги в груды было так легко и пусто, словно он отдал по клим всё, что зналливо её. Если же аметном подал всё, что подавала мать, а потом дождился в постели и засыпал тем счастливым, безоблачным сном без сновидений, какой рождается только чистой совестью и здоровьем, чистым трудом.

В начале зимы дошли до деревни два известия. Из газет и разговоров люди узнали о победе под Сталинградом. Но в те же время с почты пришло письмо, сообщавшее, что Семка убит. Утром кто-то очень смелым и славным делом.

Мать теперь плакала днями и ночами. Ещё тяжелее было возбудившихся разговоров на улице и в кузне слышать такие безумные утверждения, что в горниле лежал и пухом, так поедра изма, подергер себе ладовам, мать смотрела прямо перед собой, ничего не видя. Губы её вздрагивали, из глаз непереставно капились слёзы, и она и в лето утратила дерзливую улыбку, а в пучном горниле и в кузне.

Чтобы хозяйство не опустело, Семке пришлось теперь работать за двоих. Он как-то

разом поусовра, на безобразном лице его появилось горе, и в глазах Тихона и сестракой мужицкой озлобленности. Несмотря на небольшой свой рост, он уже походил на взрослого парня, держался прямо и лишь иногда сердито покривлялся на мать.

— Ну, Семка! Всё дуло вымотало. — Но, ободрая постаревшую, притихшую мать, играв своим нарочитым безучастием, Семка в кузнице чистенько задумливался и застыл на подложке дымков. Ему всё представлялось, как бы он однажды ловил с отцом рыбу на лесном озере, какая стояла тогда в эту тихую и как отчаянно поднимался его отец всякий раз, как вытаскивал новую добычу.

— Семка! Семка! — прервала его радуга Тихон, — съехал бы на Выселы на сёдце угадь... Ну-ка сбегай, протравись!

Он не утешал своего подручного и только изредка говорил о семкинском отце так, как будто бы и в смерти считал его живым человеком, чем ним в жизни.

— Никола — человек правальным: голосу громкого не имел, а лопту по себе не оставил. Семка, Семка, иной человек и сестракой светит. А иной коптит это лет да только дуло напустит, выдоху людям испортит. На огне-выжесты Семка теперь ещё свет и управле.

Где-то в Тихон Гринь, а где-то он уже шумно догадывался, что и там, на фронте, и здесь, в тылу, всё живёт и держится тем горячим человеческим духом, который, как огонь, всё приводит в движение и всему сообщает тепло и свет. И Семка сам уже хотел в своём живом не тлеть, а гореть, чтобы хоть немножко скорее посветело в том грозном мире, где бродила в потёмках сырь, такая же смерть, заставлявшая человеческие уста и смывавшая человеческие руки.

Прошла зима, наступило новое лето, а там — опять зима и опять лето, и уже слова выжили с полнейшей силой, и скривили тельца, вытаскивая, молотилка, и на колхозном гумне сыпался огромный, как дом, омет.

Однажды в отсутствие Тихона (он уехал с полком солдат) в кузнице и в саду, запыхавшись, прибежала Наталья, высокая сильная девушка, работавшая на молотилке. Работовое лицо её выражало тревогу и отчаяние, а со слеза катился обильный пот.

— Семка! Тихон Григорьевич? — закричала Наталья, оглядывая кузницу. — Куда девался?

Семка, как полагалось представителю почтенной и уважаемой профессии, ответил солидно и неторопливо:

— Нет Тихона Григорьевича. Уехали.

— Наталья уронила на землю у наковальни два железных обломка и вслепнула руками:

— Да как же так?... Что теперь делать?.. Она стояла в полной растерянности, видя, но не зная, что сказать и предпринять дальше, а по лицу её, сплошь покрытому серой, молотильной пылью, всё текли и текли грязноватые струйки.

— Семка, чьём леде, Наталья? — степенно спросил Семка. — Что ты как из шаривых выскочила?

— Да как же, завтра обещалась всё зерно помыть, а теперь и мыла нету, да котилца дорвало. Видишь, колёнце сломалось...

Семка знал, что колхоз обещался доставить селать хлеб, а обещания всегда должны выполняться точно. Он подлял брошенные Натальей обломки и внимательно, как человек знающий, осматривал их.

— Сварить надо, колёз запасных нет! — заключил он.

Он был одет в кожаный фартук Тихона, авдале подогнувший и всё же выходящий по моде. Наталья вытаскивала из этого фартука, и в глазах её застеплялась надежда.

— Семкушка, колхозчик! Сваи, милейший! Но Семка даже как будто кто-то испугался.

— Что ты, что ты, Наталья! Это — дело серьёзное, не шути! Я же дал Тихону никогда не сварила.

— Ну, Семкушка, ну, милейший! Колхоз, голубчик! Да завтра ждуть будем! — весело похлопав себя по плечу, он вынул из кармана

Семка взглянул а умоляющие глаза Натальи, и азарт голые и плечом стало жарко. Тревожное волнение, то самое, которое овладевает тенью перед выступлением, а мастера перед

необычно ответственной работой, овладела всем его душевно.

— А ну, Гриня, задувай! — решительно сказал он. — Кады угля побыстрее!

Он ловко схватил шипами поломанную дугу и бросил её в огонь. Галах его уже дерзко вынул из котла награв. «А ну, как выйдает! Ну, как ничего не сделало? Раньше, когда он работал с Тихонов, он не беспокоился за исход дела, ему всё казалось делавшимся само собой. И только сейчас, ему казалось, самоотверженно он почувствовал счастливо-тревожное напряжение всех сил ума и тела. Это, вероятно, и был тот сухой и лёгкий пламень рабочего положения, к которому он составлял душу всех настоящих людей, вроде Тихона, Петра Звягина и сёмкиного отца. Это внутреннее горение не только ласкало, но и обжигало — он застывал, таяв и сгорая, находил счастье в крайнем усилении воли.

Горя ревел и гудел, как урал, Огнепеленный пламень дало кукли железа. Сёмка и дело поворачивал их, то уладал, то приближал к самому котлу, добывая повисшие на осях повехности котла той жежкой кашки почти расплавленного металла, без которой сварка невозможна. В какой-то момент он выхватил обломки из огня, точно соединил их, придерживая двумя клещами, и положил на наковальню.

Жар, Гриня! — басом закричал он, явно подражая Тихому. — Ещё разик, ещё раз! Удар!

Наталья смотрела на кузнеца с раскрытым ртом. И Сёмка, окончив дело, бросил колёнце на землю около её ног, как забытую вещь.

— На, поучай! — Отстануть дай только!

Узнав о сварке, сделанной в его отсутствие, Тихон вырвал некоторое недоброе. Он сам ходил к Наталье на гумно, спрашивал её и осматривал кузнеца, приходящего, отыскивая недостатки в работе.

Возвратясь в кузницу, он долго поглядывал на ничего не подозревавшего Сёмку, в который, улыбаясь, потом шару шабёнку парнишку по плечу и ткнул его чёрным засорурым пальцем в лоб.

— Ванка!

Больше он не прибавил ни слова, но с этого дня оказывал подручному ащеское уважение.

Ученье Сёмки шло успешно. Он мог уже подковывать лошадей, делать самостоятельную работу несложные вещи, а в минуту самоуверенности ему казалось, что он сможет справиться со всякой работой. Каждый день приносил что-нибудь новое: то эмка посылала колёса, побывавшие в гоним, то глад на руднике — синие и желтые — полосы, бегущие по оставшейся стали, узнавал от Тихона, что они значат, а то ему вдруг открывался секрет дуги, и он уже бесповоротно, как самый заправский кузнец, судил по виду пламени о температуре в горне. Жизнь его была полна тех незримых для равнодушного глаза радостей, которые даются любимым делом.

Счастье это вдруг, совсем несправедливо, оказалось под страшной угрозой. В начале сентября Тихонов вызвали в районный центр. Он уходил оттуда только к вечеру и против обыкновения не вошёл в кузницу своим тяжёлым хозяйским шагом, а в нерешительности, словно обожжённый заказчик, остановился в корнях.

Сёмка никогда ещё не видел на его сумрачном лице такого двойственного выражения радости и смущения, как будто ему выпала столь необыкновенная удача, что он стеснялся её перед другими, менее счастливыми людьми.

— Освободил наши Зименка, ребята! И кузницу освободила и дом мой тоже!... Послышал

меня новую жизнь заводит, с почётом, значить, как передовому... И жена шидку прислала.

Тихон улыбался стеснённой улыбкой и смотрел на своих подручных так, точно был в чём-то виноват перед ними.

Большой Гриня, казалось, воспринял эту новость равнодушно. Он даже не поглядел котлом, и на губах его была всё та же, вечная, ничего не выражающая умишка. Зато Сёмку известие поразило в самой сердце. Кузнича должна будет закричать: ведь не поручит же дела ему, четырнадцатилетнему мальчишке! Большой Гриня не был способен руководить делом.

Работа в этот вечер шла в туготном молчании. Кузнец в конце концов начал сердиться:

— Ну, что заснули, работнички? Что горит-

ство его уменьшалось в походяном солдатском мешке. Он отказался от подвода, и на станцию его провожали пешком. Сам председатель шёл вместе с Сёмкой, Гриней и семейством Фоминых, оказывая им особое уважение.

Тихон по дороге всё шутли, намеренно смешило кивал на хромой ногу, а придя на станцию, занялся всё помещению своим гутым и особенно шумным басом. Потом со старшим Фоминым и с председателем он отлучился не надолго. Когда они вернулись, лица у них были раскрасневшие, а глаза блестящие. Полицей, уже подивившись басом, подошёл к поезду. Тихон узнал своих подручных:

— Ничего, ребята! Без меня обойдётся. Я тут с председателем всё уладил... не пропал... И не беспокойтесь, как вы поживаете, дети! Он для меня и для вас всё что проваля-

Холод прижимался к поезду парозав прервал Тихона. Сёмке хотелось плакать, и он ткнулся головой в жестокое ступо солдатской шинели, пахнувшей хлебом и дымом. Тихон в эти последние минуты думал о сынов подручных и, вероятно, с председателем отлучившись лишь для того, чтобы извозить его на каике-нибудь лытом, когда им самим дерелут на похоронную работу.

Тихон беспомощно оглянулся на подошедший поезд и объял Сёмку вместе с Гриней одним крепким объятием.

— Деточка мой, — заборолтал он, — деточки мои... Сердце у меня плачет.

Совсем размякший и отяжелевший от проволоч, он обнимил усилыми был втиснул наконец в вагон, но и там, стоя в тамбуре, он всё тиснул через головы людей к Сёмке и Гриня.

Рявнул свисток, тревожно зазеленел буфер. И состав грохнулся, увозя, как казалось Сёмке, счастье и все надежды его жизни.

Он стоял и смотрел на уходивший вагон рельсов дмиивившихся и тяжело вздохавший поезд. Плакать уже не хотелось, но в голове и груди было пусто.

Стоявший подала председателя наледе фуражку, которой он махал Тихому на прощание, и пошёл к Сёмке.

— Ну, что ж, Семён Николаевич! — сказал он, — выходи, что теперь на тебе всё нагрузка! Придётся одному кузницу вести.

Глаза у председателя были совсем ясные и трезвые. Он говорил с той добротой, озабоченностью, которая исключала всякую шутку.

Но Сёмка так уже настроился на мрачный лад, что сначала даже не уразумел смысла его слов.

— Оглянёт? — изумлённо переспросил он. — Мне? Оглянёт?

Теперь уже пришла пора председателю не понимать Сёмку.

— Ну, не оглянёт, конечно, — посылал он, — Гриня останется. Да ведь за главного-то всё равно тебе придётся. Тихон Григорьевич объяснит, что к чему: с работой, говорит, справится не хуже меня... А без кузницы нам никак невозможно?..

Только теперь Сёмка догадался, что все его страхи были напрасными, что другие верили в него больше, чем он верил в себя. Его впервые называли Семёном Николаевичем, и это вдруг заставляло торжественно как поощрение в высший класс зрелого человека и мастера.

Было бы смешно настаивать сейчас на своих нескольких сомнениях, которые и возникли только от неосведомленности своего возврата дела. Сёмка уже перебрал в себя и совсем другим, деловито важным тоном заметил:

— Оно, конечно... Что и говорить... Мы не отказываемся.

Сёмка выхватил обломки из огня, точно соединил их и положил на наковальню...

Рис. О. Верейского

у тебя, Сёмка, как свечка на похоронках?.. Бей жеж, Гриня!

Как бы сговорившись, все они не хотели сегодня загадывать в будущее. И только перед самым концом заговор неожиданно нарушил самый молчаливый из всех — Большой Гриня.

— Как же мы тут без тебя? — спросил он, глядя в землю. — Без тебя нам нельзя. Мы не знаем.

Кузнец, сминивший в это время фартук, застыл на минуту в самой неудобной позе. Опустив наконец, свои жилистые руки, он медленно похаживал головой и с усилием выдохнул:

— Нельзя, Гриня! Дело такое... И как же мне трудно будет с вами разговаривать, ребята! Прощай, старый хрич, хорюям врозь...

Новое Сёмка не слыл. Он лежал на стобе талочке, у печки, и смотрел в темноту. Рядом Боромота во все стонала, и подески всхлипывала мать, а за окном толпился сердитый сентябрьский ветер. Ветер стиривал обветшавшую листву, ворочал на крыше солонку, навывалась плечом на стены избы и тогда от пахути переставил на минуту дышать. Казалось, ли хотел поплакать и сплывать за ночь всё, что было вперёд и слабо и что уже не могло держаться собственной силой.

Сборы у Тихона были недолгими, всё выму-

ЯМУГА

На колхозной электростанции

За годы новой сталинской пятилетки мощность сельских электростанций резко возрастет. В 1950 году она достигнет 2 269 700 киловатт. Как велика эта цифра, видно из того, что в 1913 году в России мощность сельских электростанций была лишь 2 тысячи киловатт.

В строительстве электростанций в СССР активную роль играют комсомольцы. Об одном из таких электрификаторов-комсомольцев и рассказывается в очерке «Ямуга».

Река Сестра возле колхоза «Ямуга», Камского района, течет как глыб, даже вокруг еловых деревьев, спланированных на её поверхность, медленно разбегаются широкие кольца.

Только у платины слышен шум воды, падающей с высоты двух метров, и песа белыми комочками осыпает полозание брёвна нижнего ржа.

Платина недавно возстановлена, и на ней повсюду выделаются свежие «ласты» и настройхи. Пробитая ластя, развощая на берегу, только и напоминает о тех, кто поднял руку на это мирное и такое далёкое от широких дорог войны сооружение. Неистовым осенним утром электромонтёры Анатолий Засорин, Павел Шмаёв и Алексей Морозов переходят платину и открывают гидростанцию.

Шмаёв поднимает щиток лотка, позволяющего воду в турбине, а Засорин становится у распределительной доски. Он ещё совсем молод, но у него суровое лицо много повидавшего человека. Оно странно смугляется, когда электрик смотрит на свои машины и приборы.

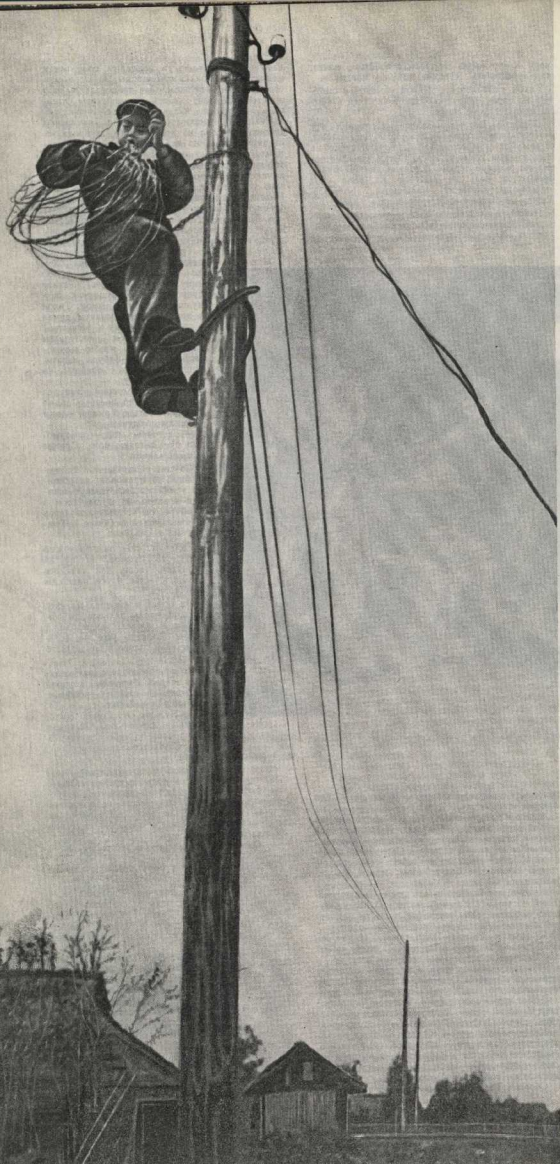
Освобождённая вода ударяет лопатки турбины, и шквал в полу начинает вращаться.

— Показали! — говорит Засорин. По гидростанции содрогается, словно палуба парохода, и действительно кажется, что маленький домик, похожий на скалочную избушку, отправился в дальнее плавание. Засорин не отрывая глаз от вольметра, стрелка которого медленно подползает к цифре 400. Щёлкают вкляченные рубльнички — гидростанция колхоза «Ямуга» дала на минуту ток.

Монтеры, заняв электрической «амуницией», выходят на работу. Они идут вдоль проводов, прорезавших все «Ямугу», зорко следя, нет ли разбитых изоляторов, не провис ли где-нибудь провод.

На войне Засорин был связистом. По привычке он порою опускает голову, и его глаза настороженно ищут в кустах серую являку повисшего кабеля. Стоит только отвлечься от окружающего — и точно в памяти возникают другие дороги: Смоленск, Ржев, Вязьма, Ново-Соколяники... Ещё и теперь ночью иногда в ушах звучит голос капитана Седорова, замыкающего коммутатор: «Р-р-радуга», «Р-р-радуга».

Линия приводит монтеров к молоткам, стоящим на открытом воздухе. За десять лет работы много моторов установил комсомолец Анатолий Засорин. Он электрифицировал на 1-м подшипниковом заводе его иехе, чистило и сверлило как сферические заеды. Он помогал налаживать и искать тонкие станики, машины, выполняющие такие сложные движения,

Плотина на реке Сестре у гидростанции колхоза «Ягуга».

Фото Г. Борисова

что не трудно поверить в их способность думать. По сравнению с этим установка мотора для мальчишек — совсем пустяк. Засорин мог бы выполнить её с закрытыми глазами. Но здесь, на краю оврага, среди свежих коней, стоящих вдоль тока, электрический мотор, вращающий вал молотилки, вызывает у него особые чувства. Победа человека над силами природы становится для него необыкновенно осязаемой: вот поля, производящие хлеб, вот уже убранные конны — и тут же, в нескольких шагах от размытой дороги, электромотор.

На его фундаменте, согнувшись, сидит семидесятилетний дед. Сколько зерна пропало через его руки, сколько труда отдал он земле! Что думает он сейчас, как представляется ему чудесное превращение энергии ленивой Сестры в работу электромотора, обмолачивающего зерно?

Мотор монотонно жужжит. Старик гладит узловые палы на корпус машины и улавливает вибрацию. Его грубая ладонь осторожно сбрасывает с моторчика солому, стирает пыль. Он гладит серый металл, словно спину трудолюбивого и терпеливого животного.

— Машина чистоту любит, — говорит дед Анатолий. — Ты дай-ка мне трюпочку, я её вытряхну буду...

Засорин объясняет деду, каких частей мотора нельзя касаться во время работы.

— А то убьёт! — говорит мотор.

— Убьёт! — переспрашивает дед, и в его глазах на миг вспыхивает улыбка. Не то он не верит, что его, участника трёх войн, может убить такой пустяк, не то ему смешно, что смертью пугает его этот «мальчик»...

У Анатолия сегодня ещё много работы:

надо установить несколько электрических ламп в домах колхозников.

Засорин, Шмелев и Морозов входят в дом, повернувшийся к дороге зелёными жалюзиными окнами. Моттеры — здесь желаннейшие гости. Быстро убирается всё мешающее работе. В наряде Анатолия написано просто: «Установить точку». Но он знает, что вокруг этой «точки» будут сидеть хозяйка с шитьём, её муж за работой или с газетой, маленькая Лиля, сейчас задирающая у окна над книгой косичку с голубым бантом.

Сколько раз ждала она, как в пустых комнатах разрушенных домов раскаливались на ветру разноцветные бакары, когда-то бросившие свои светлые крути на огонь, собравшиеся у стога! Сколько жалили, открытых дождю и снегу, запомнила она... И он постиг тайну вечернего уюта, создаваемого огнём и огнём электрической лампы. Анатолий так умеет выбрать место для лампы, что освещаемый ею уголлок становится уютней, нарядней, и новолонь минут посидеть здесь подольше, поработать, починить...

Засорин любит наблюдать, как его «точка» преобразует комнаты колхозников. В этом доме с зелёными жалюзиными окнами приготовлена новую скамейку на стелу и началась постройка мебели, какую-то картинку. Из-под кровати извлеклась омающаяся швейная машина.

Теперь вечерами сможешь заняться ею и починить, не торопясь, — изумленно говорит хозяйка мужу, который в навсегда прижатой к груди левой руке — пальцы о бока на подступках к Вершину — держит рамку, даётся помощь мотору...

Вечер. Снова три мотора переходят плотину. Райские, осенние сумерки посте-

пенно скрывают берега Сестры. Туман, клубясь, поднимается вокруг гидростанции, которая теперь уже совсем пламьёт над рекой — её свия потонули в белой мгле. Прямо светится лампочка под потолком, и из окон выхватываются длинные красноватые полосы. Идаль гидростанция в этот туманный вечер должна походить на маяк.

Шмелев и Морозов смотрят в окно. Зимой затянута его ледяные узоры, вокруг гидростанции закружатся метели. Волки будут прыгать вьшь на берег Сестры у самой станции. А она будет работать, как засыпанная снегом, и никаким холодам, никакому зимнему ненастью не остановит её турбинку.

Именно здесь, на маленькой станции, которая, как наглядное электротехническое пособие, Анатолий Засорин ощутил, как чудесна его профессия, сколько в ней скрыто возможностей сделать жизнь лучше, облегчить самые трудные работы.

К окшей, пахнувшей осеной стене гидростанции прислонилась старая волиная мельница. Её золотистое волное колесо убито, и на жарном подань ремьнь со шкива турбины, которая отныне будет перерабатывать урожай колхоза...

Здесь, в полдеревенных колхозах, молодцы электрификаторы постигают не только тайны своего мастерства, но и проникаются высшими идеями народных строков. В трудные минуты на помощь сельским электрификаторам приходит комсомольская организация Канин, работники соседних производств.

Не будь, что это не Фархадская плотина, на традиционное Мичуринское строительство: солнце и в калде воды ч в озере отражается одиножко.

Борис КРИНИЦКИЙ

Без права на жизнь...

[Встречи с китайской молодёжью]

Не успело взойти над землей солнце победы после разгрома фашистской Германии и японских империалистов, как в Китае вспыхнула новая война. Сиона течёт кровь по равнинам северо-восточных провинций, и солки Маньчжурия разносит это оружейное зло от Жёлтого моря до перевала Большой Хинган. На этот раз столкнулись две внутренние силы Китая: одна отстаивает священную идею национальной независимости и борется за демократию, другая противопоставляет этому своё «право» на распродажу родины иностранному капиталу, с помощью которого ведёт братоубийственную войну.

Семь месяцев провёл я в этой стране, простирющейся почти на 10 миллионов квадратных километров Евразийского материка, и गरे

450 миллионов людей, населяющих её, оставлял в моей памяти незагаданный след. Я видел палачьи деревни, подожжённые летчиками го-мичиды с американских самолётов, видел толпы беженцев, бегущих от войны по дорогам Китая, видел тех, кого смерть настигла в пути, на пороге дома или в окопах, видел сирот и вдов с глубокими складками скорби на лицах... Но самой страшной мне показалась трагедия молодёжи Китая, которой и посвящены эти зарисовки с натуры.

ВНУЧКА СЛЕПОГО

Много городов в Китае. Древних, как сам Китай, и новых, как его новая цивилизация, красивых, как сказка, и безобразных, как старость. Но есть в каждом из них одно общее начало, характерное только для городов Дальнего Востока.— огромные рынки, замещающие простому народу службу, магазины, рестораны, биржу, театр и даже дом, потому что многие живут тут же в жалких маленьких хижинах, превращаемых на день то в мелочную лавку, то в дешёвую харчевню, то в сапожную или портняжескую мастерскую. Тут рождается беднота, и тут бедняки хоронят бедняков.

Рынок занимает десять, и двадцать, и тридцать улиц, переулки, тупиков, и тянется иногда от городских окраин до центра, обрываясь у широких магистралей с многоэтажными красавцами домами, где «Европа» решительно прерывает путь «Азии» желтыми желтыми полисеюном в белых перчатках.

Рынки до краёв наполнены толпой и до самого неба— многоголосым криком толпы, продающей, кажется, всё, что солдано в стране за многие тысячелетия истории. В Китае торгуют миллионы людей, но покупают только тысячи. Невозможно сделать шага, чтобы не натолкнуться на множество торговцев, чаще всего разряженных свои товары в ваших нос, прямо на землю. От рынков, бегущих по всем направлениям, нет прохода. Сторяясь

их, вытаскивая на низкорослых лошадок, впряжённых в драгулеты и китайские зрлы с широковей «посадочной» площадкой; спасаясь от людей, пытающихся на автомобиле, тиснуть умоляющий рёвом ширны уступить ему дорогу; обходя автомобиль, снова попадаясь на тротуар, но тут тоби хватают за полы продавшим табак, помадеи, галстуков, электрических приборов, шёлка, национальных сладостей... Ни в одном китайском городе нельзя мновить эти рынки, как нельзя пройти по земле, не касаясь земли.

Первый китайский рынок я увидел в Чаньчуне. Здесь и случилось происшествие, в котором главным действующим лицом была девочка по имени Бай Хуа, что означает в переводе «Белый цветок».

Продираясь сквозь рыночную толпу, я услышал впереди себя печально-робкий голос «дочери» мелкого гоня, обычного ступняка смешных китайских нищих. Через три минуты мне представился высокий худой китаец с лицом, изъеденным шестью или семью десятками лет ишпенской жизни. Высоко подняв голову и наирити слух, замечавший ему зрение, он держал левой рукой за палку, другой конец которой был зажат в руке девочки лет четырнадцати, следовавшей за ним. Посреди рынка вился ло. Девочка мерно задвигала по чему мальчишеским металлическим молоточком на длинной рукоятке, и я не знаю, о чём плакала мать: предугадывала ли встречных о том, что идёт следом, или умоляла продать милостыню! Мать поразилась его глубокие морщины на лбу девочки, будто чудом перенесённые с чужого, старшего лица. Я достал из кармана мелочь, чтобы опустить её в глиняную чашку слепца, но в этот момент какой-то рослый китаец схватил девочку на руки. Я услышал пронзительный крик, жалобный стон ло, грохнувшегося о мостовую, и плыч старика, упавшего от внезапного толчка вёлом с гоюгом. Китаец исчез, унося девочку. Толпа поглотила их прежде, чем слепой успел подняться.

Он стоял, как старое дерево с подрубленными корнями— тот самый, который стоа тронуться осемь. Самым стурлился из его гниющих глазных впадин, и ветер трепал его жидкие волосы. Раз-

моудина минуту изнад толпы усадили слепого лод'тень огромного брезентового лодка чистильника сапог; и его карманы посыпались оловянные монеты. Многие знали историю его мушкет и не переставали ей тем, кто видел старика вчерашнего.

Поздато тому назав содержител кафе-шантана «Хакурейка», спонс слезного ивнего животного¹, купил у него Бай Хуа за две тысячи копейк². Но уже через две недели девочк «Божья» из дома терпимости. Слуги хозяйки «Хакурейки» повывали её и снова заставили Бай Хуа «развлекать гостей» кафе-шантана. Она убегала к слепому лоду три раза, и каждый побег считался для неё тем же, чему и был свидетелем в тёмный полдень, весны 1946 года.

ПИИ ПАН

Был он высок и строен, этот черноволосый юноша с лицом мулата по имени Хуан Гай. Был кат рижский в портовом городе Тяньцзинь, и шегольская коллегия его на двух высоких колёсах с тонкими блестящими спицами, обитая сафьяновой кожей, стояла около у самых фешенебельных гостиниц, где жили американские офицеры и коммерсанты, купцы из Шанхая и Гонконга.

В густой толпе рижской — старых, давно заезженных человеко-кошек или ещё сравнительно молодых, но уже невозможных и страдалючк

одиншкой — Хуан Гай выглядел примерно так же, как спортсмен среди людей, умиривших отчаяние. Его тело, приростившись мускулами и трусами, послонилось словно у хорошего скакуна и отпадало на солнце тёмным цветом старинной меди, а крепкие мышцы рук и ног не раз вывалились волнами воска и жира у американских солдат и офицеров, оцепившихся Хуан Гай с видом барышника.

Хуан Гай демонстрировал ему выносливость своей мускулатуры и сердца. Услыши сакода из выскоч сафьяновой спицы, он становился между тонкими бамбуковыми осями и срывался с места мелкой рысью. Потом, постепенно увыстряв бег, он переходил на бешеный аллюр, и тогда его голые ноги в лёгких синтетических мяльках почти так же быстро, как блестящие спицы в колёсах колески, сливавшиеся в одно непрерывное круглое сверканье.

Трёхколесоотрозе расстояние от огела «Дун-Бэй» до набережной реки Хайхэ Хуан Гай проделал обычно за десять минут, делая без отдыха по три—четыре копейк вподряд.

— О кэй! — кричала в восторге американки, следя по секундомеру за временем пробега.

Но в те минуты, когда Хуан Гай завертывал в пояс американские доллары, получившиеся в награду за доставленные заокеанским войскам орудельные, он напоминал выброшенную на берег, но ещё живую большую рыбу. Мускулы на его ногах дрожали, словно после купания в прохладу, грузную клетку поднимала ущёпённые ладони, и ладонь сосала на трёхколесоотрозе микрот от потя микой, пульсирующая быстрее секундной стрелки. Лицо юноши, как или для тому назад смугло-бронзовое и окургиванное лёгкой полнотой, принимало уродливую-делуловую окраску, а опашие щёки, затрясывавшие скулы и чёрные тени на висках старили его сразу на двадцать лет. Утомлённый, он валился на скамейку скверя, и проходил час, прежде чем ему удавалось прийти к себе.

У Хуан Гай было плохое сердце, и старые, опытные рижки, прикладывая ухо к его груди, качали головой.

Ты умирёшь, рашне, чем ставешь богилом. А он мотался о богахте. Американки платили слишком хорошо, чтобы Хуан Гай мог отказываться в развлечении. Кроме того они выдвигали

небольшие премии за каждую минуту, сэкономленную во время пробега. И он продолжал ежедневные гонки от огела «Дун-Бэй» до набережной Хайхэ или по большому Международному проспекту. Ещё полгодя такого, пусть несомненного труда, — и он откроет лодку; старая мать перестанет голодать, отказывая себе в лишней куске хлеба; два млельких брата смогут ходить к школе и вырастут грамотными, а не такими жеучами, как он сам, как давно умерший отец-ричка.

— Сердце ещё ушей отодолжну, — говорил Хуан Гай. — А до тех пор я должен быть вынослив, как птица Пинь.

Он знал об этой огромной птице из древних китайских легенд. Она могла пролетать без отдыха девяносто тысяч ли³. И так как Хуан Гай очень часто вспоминал её, его прозвали «Птица Пинь».

— Эй, Пинь, побереги себя, — предостерегали Хуан Гай рижки.

— Хэло, Птица Пинь! — подчёркивали те американки. — Порудуй-ка нас ещё разок!

И Хуан Гай, пропуская мимо ушей советы друзей, убавлял тем, кто похвалил его ноги и сердце: молодость, расточительная и бесценная.

И вот однажды в полдень подвоях к огелю «Дун-Бэй», я увидел «Птицу Пинь» с бескомпромиссным распробёртнм на горчичном асфальте крыльями-руками. Хуан Гай лежал на спине и смотрел в голубое небо, как бы отсыкая в лёгких, перстых облаках ту выстоявшую птицу Пинь, что пролетала без отдыха девяносто тысяч ли. Его посрежене лицо не выражало ни страдания, ни горечи, оно было спокойное, как у человека, которого смерть настала раньше, чем он достигал её еблизости.

В погребальном безмолвии стояли вокруг рижки с печально повисшими головами. Два американских офицера расселись слушать человека в белом халате и золотых очках. Это для них в тот день Хуан Гай пробежал обычную трёхкилометровую дистанцию не за десять, а только за восемь с половиной минут. Они были,

очевидно, заняты этим рекордом больше, чем смертью рекордсмена, потому что один из офицеров прервал человека в белом халате нетерпеливым жестом руки и сказал:

¹ Ли — 0,5 версты.

— Да, да, я знаю, что у него было плохое сердце. Но всё-таки, доктор, согласитесь, это почти сверхъестественно — три километра за восемь с половиной минут!

ИХ РАЗЛУЧИЛА ВОЙНА

Без отца А Ко, его — Чэнь Юнь. Мы встретились в после Мукден — Байнин.

Они жили в Байнин, где он должен был выступить в рядах армии гоминдана. Бельгий мобилизационный листок свалился на их головы с внезапностью свега в жаркую пору лета.

Чэнь Юнь готовился поступить в Харбинский железнодорожный техникум. Профессия инженера-путейца, которую он наметал для себя, вполне обеспечивала бы им обоих безбедное существование, а главное — дала бы возможность продолжать какие-то научные опыты по химии, о которых он лишь вскользь упоминал в разговоре со мной, но которые, как видно, составляли главную цель его жизни.

Чэнь Юнь провёл на меня впечатлений человека, заражённого страстью научных открытий. Книги были единственным развлечением его юности, и с шестнадцати лет он считал увеличение лучшей научной мудрости, — пока не пришла любовь.

Чэнь Юнь и А Ко познакомились случайно в Мукдене, а вскоре, устремив остью 1945 года в Фрэнтинском парке в честь Красной Армии, освободившей Маньчжурию от японских захватчиков.

— Хорошие были дни, — мечтательно вспоминал юноша ту осень. — Казалось, мне уже никогда не страдать от войны. И вот снова...

Чэнь Юнь с тяжёлым вздохом достаёт из кармана, чуть ли не в десятый раз, мобилизационный листок, и его толстые губы кривятся в горькую усмешку. Потом он поспешно прячет роковую бумажку и бросается утешать А Ко.

Они горько плачет всю дорогу, все это шестьдесят миль, отделяющих Мукден от Байнина. Чэнь Юнь пытается отвлечь А Ко от мрачных мыслей стрелками, применившим способ к малой девочке, чем к взрослой женщине. На каждой станции он выбегает к остолбеневшему поезду торгован и покупает у них сан-ча-гао (горыничную пасту), лив-чэн (обжаренные семена лотоса), жи-хуа-эр (разные сорта китайского нечеха), свежие фрукты и консервные ананасы с Формозы. Наше чёртёхместное купе, в котором заняты только три места, тем дальше, тем больше напоминает живописный уголок китайского базара. А Ко не при-

¹ Китайская вода, изготовленная из эфирн голина.

² Юань — денежная единица.

грагивается почти ни к чему из того, что так дешево покупает для нее Чжайнь Юнь.

Когда я выхожу в коридор и смотрю на быстро бегущие за окном равнины, окошное стекло отражает обычно одну и ту же картину в куче: А Ко крепко обнимает руками шюк своего мужа, и тихий плач ее переходит в рыдание. Затем, немного успокоившись, она громко шепчет мне слова странной китайской песенки:

«Будь, верен всегда мне,
Как Ю Фэй, государю!».

И он отвечает ей так же тихо словами той же песни:

«Мой розовый лотос,
Не будь ты похолода
На злую Ван Шя!».

Чжайнь Юнь сказала мне, что у А Ко должен скоро родиться ребенок.
— Я уже не узнаю его, — печально добавил он.

Мне кажется А Ко плачет не только от предстоющей разлуки с мужем, эс терает судьба будущего ребенка, которому суждено быть ином. Как-то раз, когда Чжайнь Юнь накупил на очередной станции груду банок и сладостей, она сказала:

— Зачем ты трапишь детей? Ведь дома не осталось ни гроша.

Чжайнь Юнь старалась смутиться и стал почему-то беречься укладывать все кулечное в чемодан. Немного часу, оставшееся до Байпипа, он провёл в молчании, нежно глядя руки А Ко, а только однажды, рассматривая в окошко оставшихся в вагоне роту гоминдановских солдат, выстроившихся перед посылкой в поезд, спросил меня:

— Как вы думаете: могу я быть хорошим солдатом гоминдана, если мое сердце на стороне Чжу Дэ?

«...Но вот и Байпип. На ярке освещенные перерыв многолюдная толпа, в которой блещут военная, чем шитские. У выхода в город идет проверка документов. Два дюжины солдата в форме армии гоминдана останавливают Чжайнь Юнь и А Ко. Он показывает свой мобилизационный листок, и его сразу едут патрулю.

— Это моя жена! — кричит он, протягивая руки к А Ко.

Но солдаты резко отталкивают лавочку, бегущую за Чжайнь Юнь, — ей следует ехать обратно в Мукден: у ней нет пропуска для проезда на Маньчжурию во внутренние районы Китая.

Солдаты не позволили им даже последнего объятия, и они лишь обменялись взглядом, прощальным, как крик.

«ХОЧУ ВОВЕЯТЬ ЗА МНР»

Я встретился с Сунь Сы-мяо в охоту из частей Народно-освободительной армии Чжу Дэ. Этот крепкий двадцатипятилетний парень, родом из провинции Хэйбэй работал когда-то в кузнице при военном заводе в городе Жэхэ. После дедки и отца, и третий молокосос в нашем

роду, — смеясь, говорит он и протягивает своим друзьям-солдатам огромные кулачки, похожие на кузальды.

Сунь Сы-мяо совершенно неграмотен, если не считать тех азбучных знамен, которые он успел получить на вечерних занятиях, устраиваемых по общеобразовательному курсу в любом соединении армии Чжу Дэ. Во время японской оккупации северо-восточных провинций Китая он два года провёл в партизанском отряде, оперировавшем в его родных краях, но когда Япония была разгромлена а решающей сватке с Советской Армией, Сунь Сы-мяо вернулся в Жэхэ, где его ждала мать и сестры.

Он вспоминает об этой поре, как о чем-то далеком и призрачном, хотя это было лишь миром, им уютно домашнего счастья.

Едва успел он устроиться на работу, ела вспоминал навыки своей профессии, как был уволен владельцами завода — акционерами какой-то новой китайско-американской фирмы.

— За что?

— Они считают, что между партизаном и солдатом Народно-освободительной армии разницы гораздо меньше, чем между американским капиталистом и богатым китайцем, — пояснил мне молокосос. И добавил: — Это верно. Потому-то я и пришёл в Чжу Дэ.

Жёльствие с завода было последним толчком в его сознании, уже давно подпочинившем идею борьбы за национальную независимость Китая. Придя из партизанского отряда домой, Сунь Сы-мяо увидел, что победил над Японией не принесла счастья ни ему, ни его семье, ни всем тем, кто был при японцах в положении рабов. Работая на новых хозяев из китайско-американского акционерного общества, он не зарабатывал больше того, что платили ему японцы, его сёстры стояли за прилавками стиральных фабрик те же двенадцать часов, что и во время японского владычества.

— Это был не тот мир, о котором мы мечтали, — говорит Сунь Сы-мяо. — Мы слишком много и долго страдали, чтобы позволить самозваным хозяевам Китая закабалить нас до старости и превратить наших детей в невольников на чужих плантациях.

Вот почему, пробравшись сквозь гоминдановские кордоны в одну из частей армии Чжу Дэ, этот парень в Жэхэ за вопрос командира, что он хочет, ответил:

— Я хочу воевать за настоящий мир.
Его зенчилась в стрелковой полк, участвовавший почти во всех крупных сражениях с японцами. И в первом же бою Сунь Сы-мяо заслужил лозунку своих новых друзей на оружие.

У него оставались в Жэхэ старые товарищи — такие как молодые рабочие, как и он сам. Он изложил им письмо, предлагая примкнуть к армии Чжу Дэ. Вместо ответа пришли они сами — пять человек. Не пришли только один — шестой — Цао, погустивший в полицию командира, что он хочет, ответил.

Парню захотелось другой жизни правдее, — было ясно его оторванный Сунь Сы-мяо.

То, кому изменил Цао, а ночь ухода из Жэхэ написали на воротах его дома три страшных, как печать Кына, слова: «Май-го-цзэй», что означает «Продавец родины».

Мысли и афоризмы

О ЛИТЕРАТУРНОМ ТРУДЕ, ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ

«Писатель должен быть одним из самых культурных людей. Иначе, какой же он писатель, если его культурный уровень будет ниже, чем у окружающих; кого и чему он будет тогда учить?»

М. И. КАЛИНИН «Писатель должен быть мастером своего дела».

«Кто не добит литературу до готовности принесёт ей в жертву своё благоволение — тот лучше слезлет, если её вовсе оставят».

Н. С. ЛЕСКОВ.

«Прежде чем станешь писать, научись порядочно мыслить».

ГОРАЦИЙ «Наука поэзии».

«Стихотворство должно почитаться быть за самую труднейшую науку между многими другими».

М. В. ЛОМОНОСОВ «О качестве стихотворца рассуждения».

«Кто случайно два три слова свяжет рифмой тут и там, Тщетно чтит себя поэтом, к славным тынется певцом».

Шота РУСТАВЕЛИ «Вытязь в тигровой шкуре».

«Подражать, значит — жить чужим умом, чужими мыслями, чужим талантом. Иметь лужу в подражании, значит — не имея нисколько таланта при сильной охоте мять бумагу».

В. Г. БЕЛИНСКИЙ.

«Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность».

А. С. ПУШКИН. Письмо к В. Дурову».

«Всякий, кто хочет быть писателем, должен читать старых авторов для изучения отечественного языка».

В. Г. БЕЛИНСКИЙ.

«Если бы и был царь, то издал бы закон, что писатель, который употребил слово, значение которого он не может объяснить, лишится права писать и получать 100 ударов розгой».

Л. Н. ТОЛСТОЙ. Письмо к Н. Н. Стрехову».

«Для того, чтобы литературное произведение заслужило титул художественного, необходимо придать ему современную слуховую форму, эту форму придаёт рассказу и роману сюжет, точный, ясный, эволюционный язык».

М. ГОРЬКИЙ «О литературной технике».

«Хорошо писать — это в то же время хорошо мыслить, хорошо чувствовать и хорошо передавать, это — иметь ум, душу и волю».

БЮКОН.

Москва. У Устинского моста.
Фото Г. Борисова.

ПОЭТИЧЕСКОЕ СОВЕТСКОЕ ПОЭТСТВО

Поступило в редакцию Центрального Комитета партии от журнала «Звезда» и «Ленинские гонимые» требуют от советских поэтов при- стального и всестороннего внимания к настоящей пасхенности своего творчества. К этому на- поминанию о гражданском и партийном долге наших литераторов с особым вниманием должны отнестись молодые поэты.

Советская молодая поэзия, родившаяся в годы Великой Отечественной войны, является прямой наследницей замечательных традиций гражданской поэзии, сошедшей в М. Маяковским. Его творчество и творчество его поэтических сверстников создали для нашей литературной молодежи почву, глубоко пропитанную идеями коммунизма, истинно-патриотической любовью к своей Родине, к своему народу.

Народ отбрасывает в сторону всё тленное, эстетское, связанное с декадентскими настроениями буржуазно-американской поэзии. Всплывает великого поэтического революционера Маяковского на нашу сегодняшнюю литературу неизмеримо сильное попут чуждого народу эстетства. Иногда признаки этого явления видны в таких стихах внешних особенностей, как построение стиха «слезенкой» или «скругление» последней строфы призывным лозунгом, или, наконец, в непосредственной связи с темой, проходящей сегодня в гашетном ритме, как у побед у Маяковского шире, органичнее, Маяковский всегда был за «пробор», за kereszt-чашивый.

Дух Маяковского жив и в нашей молодой поэзии. Идеальны устремления подавляющей части молодых поэтов не оставляют сомнений: это люди, которые живут одними интересами с самим народом, с партией и с истинным, личным эстетизмом. Они стремятся к простой и легкой поэтической форме.

Некоторые наши критики склонны считать по- тому, что, дескать, поэтический слог должен подходить от традиций Маяковского, всё наше обращается к классическим традициям плавного эпитетического стиха. Мне кажется, что в этих утверждениях столько же несомнения, сколько и желания увидеть новые, живые пути развития нашей литературы. Для войны являлись для советской поэзии в целом, и в особенности для её молодой от ряда, величайшей проверкой и испытанием, из которого она вышла с честью.

Именно на войне огромное число молодых людей впервые завязало за перо; это очень замечательный факт. Как ни трудно, как ни кровава и ужасна была война, она порождала в советских людях высокие, благородные поэтические чувства. Попытки облачить эти чувства в стихотворную форму были часто дельны от совершенства. Неизвестным автором девятко- лети таланта, ни умея для того, чтобы из описаний отдельных фактов, судеб товарищей в биографии самого автора, создать поэзию, вы- ситесь до художественных обобщений, то есть стать явлениями подлинного искусства. Но среди стихов назвала уже выделяется голоса ед- ных — молодых для нашей литературы, людей. Гудят они делают еще только первые робкие шаги, мы обязаны разглядеть то новое, то живое, что несет в себе их творчество, и преду- предить об ошибочных тенденциях, которые уже намечаются в стихах некоторых талант- ливых молодых поэтов.

Александр Межиров прожил войну по-сол- датски. Он воевал рядовым на Волховском фронте, Межиров как-то сказал, что он не знает совсем недавно. Он зависел от стрелки Маяковского, от его широкой, ораторской интонации. Но это — явление не только формаль- ное, а Маяковский — это чуждое поэтиче- ское. Неомежирове, которое он умеет сочетать с некоторыми приемами, найденными Маяковским, придает его стихам самостоя- тельную силу. Стихотворение Межирова «Младший лейтенант». Поэт думает старинную картинку замёрзших детей во время пешей эвакуа-

ции из Ленинграда. Вот конюшка стихото- рения:

«Мне в атаках не удалось
слово — «нирррр»,
Под каблуком бы или ни бывать огнём —
У меня в арчаках чернели
лужокский лёд,
Ленинградские дети
лежат на нём».

В этих строках есть не только чувство свиде- тель, но и участника борьбы. В лучших стихах Межирова есть правда жиз- ни. Таково, например, стихотворение о мальчи- ко-фантазме на Колыме, ставшее во время войны офицером и погибшем смертью храбрых всё с теми же мальчишеской красотой мечты. В этом стихотворении, свет настоящей челове- чности, ставшей нашей людей даже в мо- мент их гибели.

Но стихам Межирова иногда не хватает широкой идейности, он склонен увлекаться внешней картинностью воинов. Изображая страдания солдат, Межиров склонен к гиперболиза- ции. В 1941 году в его изображении иногда приобретает некие апокалиптические черты. Здесь слышатся чужое, инновое. Вот Ме- жиров, например, описывает 1941 год на при- фронтной станции:

«Плывет очерёда за елинок —
Длинная, как товарищ солдат,
Угол, шурованый жарким пытком,
Долгая, и чуждая пень густая».

(«Знамя» № 9, 1945).

Слишком долго остаивалась своя взгляд на внешней стороне событий, поэт теряет способ- ность к глубокому проникновению в существе явления, к широкому идейному и поэтическому обобщению. За это Межирова надо строго крити- ковать. Советскому боюв чуждо ощущение эпохи Ремарка или эпохи Хемингуэя. Стра- сительный и освободительный характер нашей войны, её возмещающее и облагораживающее влияние на людей, борющихся за свободу и независимость своей Родины, должно отобразить наша поэзия.

Стихи Семёна Гудзенко, о котором уже пи- сались критикой, неоднократно появлялись на страницах наших журналов. В одном из сти- хотворений поэт рассказывает о своём военном пути. Сначала он был рядовым солдатом и лишь потом, в конце войны, стал армейским журналистом. И вот, если наступит необходи- мость, он может снова пойти в развед- строй, Гудзенко мечтает о том, чтобы быть

«Под выстрелом у старика
Пять лет ушёл в гит
Потом могилы и с тех вершин
В полюю войну».

Характерные строки! Для поэта жизнь поэти- ческая эмой поэзии, выше её. Это — правили- вые, эмпирические понимание искусства. Не- сомненно, оно дельно и Гудзенко, которое соот- ветствует по нему хорошо, верную перспективу. Но и у Гудзенко, как и у Межирова, есть стихи, звучание неверно, неточно. Взорванные лом, разорванные города, кровь и мучи людей, которые он описывает жор, апеллационные, по- рой заслоняют главное — то, во имя чего ве- лась, наша война против фашизма.

Галина Николаевна, пока значительно менее опытный и менее технично арый, идейно на- ступившей, чем Межиров или Гудзенко. Идеиное содержание её стихов органически соединяется с чувством и настроением автора. Галина Николаевна служила воем на Волхов- ст, под Сталинградом. После возвращения в спит- скую жизнь она начала писать стихи. Её не- большая книжка, вышедшая недавно в изда- тельстве «Советский писатель», все описана войной. Поэтесса чувствует страдания и испы-

тания народа, как его малю, но неогранича- ющая часть. В стихотворении «Завешание» автор об- ратившись к друзьям говорит: Если вы, друзья, получите известие о моей гибели, говорит Галина Николаевна:

«Ее было ни скрипка, ни флейты,
Вы будьте скатерть светом
Залетите, залетите, залетите
розеткой кровью вранья
И пусть в мою память, ребята,
Поёт медь прощания шаровым,
И вы же болтали — гравиты,
Бросайте без промаха в печь».

Это сказано человечески и поэтически свято- стно, у Галины Николаевой есть ощущение сво- боды, то, что связано с борьбой советского народа против фашизма:

«Белы и, ослепев, атакую,
Белы малыи собитом, тени,
Полночи Балгу, кувель огнью,
Чей светилкой мы все кричали,
Прикрасившей стеной колыбели,
Землегой «Волковской» вавны
В голубом неослабном сиянии,
Сталинград, Сталинград, Сталин-град!»

Галина Николаева видит мир опаленным вой- ной, но порежнему прекрасным, несмотря на горечь страдания.

Если начать выискивать литературные явления, сказавшиеся на первых стихах Николае- вой, то без труда можно найти интонация и Блок и Тихонов, а также — особенно, что поэт, начиная свою работу, испытывает разно- родные, подчас противоречивые литературные влияния. На наш взгляд, гораздо важнее пер- вичность, незамутнёность чувства молодого поэта. Как часто опущившаяся фальшь, нарочи- тость в самих, казалось бы, патристических стихах иных вырвшеи! Он безусталил свой слог, кликуши, провозглашал, а кто- то чувства за всем этим нет — того чувства гражданственности, которое было всегда у Маяковского. В некоторых своих лирических стихах Галина Николаева говорит, однако, с чужого голоса, испытывая влияние стрел эсте- тики символизма. Это началось в ней не орга- нично, и лучше молодой поэтессе его отброси- ть: оно лишь помешает её росту.

Юлия Друнина успела впечатлеть не более полтора десятка маленьких стихотворений о войне, которую она прошла рядовой санитар- кой. Но в этих поэтических этюдах есть подку- лашение читателя строгости и лаконизма, говорящее о ростках подлинного таланта:

«И ушла из детства в граммовую туманную,
В амплуа летит, в амплуа летит,
Дальнее разлететь случится и не случится
Воту привалила, воту привалила —
И привала по школе в бляндиях сныме
И не поспешивала на шумную стору,
Потому что так и так и так и так,
Но могла выжить».

Это название, быт может. Но в этой инвентри- ест нечто, роднящее героиню стихов Дру- нинной с Зоей Космодемьянской, московской школьницей, ставшей выразительницей героиче- ского мужества в годы войны в Родины. Юлия Друнная по-солдатски правдивы, в них есть дыхание жизни, есть метко, верновоздушно вы- денные приметы военного времени:

«И только раз увидел уронивший,
Раз — и вилу и тешку — во оно,
Кто говорит, что на волю вештарю,
Тот вично не знает о войне».

Поэтическая молодёжь, прошедшая войну, пришла работать в литературу с крепкой поэти- ческой и боевой закалкой. Эти молодые поэты мало запомнили военистическую молодёжь, ска- жим, тридцатых годов, когда многие проба- вали свои силы в поэзии, едва сойдя со школьной скамьи. Было в тех молодых стихах столько много розного бездумия, избытка той избулкости, которую мы называем. Попро- буйте перечитать раяние стиха Смелякова, и

Долматовского; они, конечно, отмечены этим недостатком. В наши дни — иное. Но прежде чем остро стоит вопрос о глубоком идейном содержании, о ёмкости общекультурного, философского кругозора. Это относится реально не всем молодым поэтам. Пока молодые поэты рассказывают о том, что они увидели и пережили на войне, их голоса звучат правдиво, искренно, подчас даже исследовано. Но одного этого мало. Пусть молодые авторы обратятся к более широкому, объективному тематическому — и их можно достигнуть неудача. Значит — учиться! Учиться глубокому пониманию идей партии, учиться быть большевиком во любви к мелочи, учиться, опираясь на огромное богатство старой человеческой культуры, которой так сильно были и Пушкин, и Маяковский, и Блок. И, конечно, последовательно, постоянно оттачивать своё мастерство, умение обращаться со словом. Иначе — провалы, и такие, какие слишком часто случаются, например, у В. Урана. Поэты, конечно, уверовали в себя, но работающего иногда поэтостроения, приблизительно. В одном из стихотворений, желая придалать своим стихам «северный» колорит, Уран вкладывает в уста бойца такие слова:

«И будет, рыдая, меня обнимать,
Как белый пёсок, поспевшая мать»,
(Новый мир № 1-2, 1946).

Неужели Уран не понимает, что такое сражение противостоит осорбительному?

Бездальность, тяжёлая стихотворной строки, декадентский, бездельный грешит слишком многие, чтобы можно было всех здесь перечислить. Можно назвать В. Филиппова, О. Кожухова, чью книгу стихов «Белая камеш» издал недавно в Воронеж, Галину Морозову, Василия Захарченко.

Вот, например, стихи Бориса Филиппова «Предуствие весны». Поэт, очевидно, стремится к сложной поэтической форме, на самом деле впадает в бессмыслицу. Он пишет: «Степных луг на снегу не меньше, чем на соевых умирта». Что это значит, вероятно, не хочется объяснить и сам автор. Природа всякого художественного сравнения, всякой метафоры заключается в том, что сопоставляемые предметы или явления чем-то напоминают друг друга. Но какая может быть сходство у мёрт-

я и почему на ней пятен не меньше, чем на снегу? Пускался с такими скудными логическими и художественными ресурсами в плавание по журнальному морю, Филиппов терпит аварию.

Но, может быть, в стихах В. Филиппова есть какая-то особая глубина, содержательность? И молодому автору можно приписать его частные успехи? Нет, этого никак не скажешь. Стихи эти очень бедны, даже ничтожны по мысли. В одном из них дана просто банальная картинка весны, в другом автор восхищается красотой сибирской природы, а третьим описывает свои путевые настроения и впечатления, буквально из окна железнодорожного вагона. Но большого искусства, ни серьёзной мысли в этих стихах нет и в помине. Многие из наших молодых поэтов выхаживают идейной глубины, серьёзности при разрешении поэтических или общественных тем. Василий Захарченко опубликовал в журнале «Октябрь» (№ 5 за 1946 год) стихи «Атлострада Берлин — Штеттин» и «Над голубым Дунаем». Автор описывает порядок, аккуратность, которые, по его мнению, присущи немецким дорогам. Какое же выражение автора?

Их так застыли в аэро-блице,
Привалявшие, лижливый слон,
Как будто бы тебя мигали
Войной стресса дождиком».

Странный выкол! Неужели Захарченко, который был в Германии вместе с победоносной Красной Армией, передавая по дорогам этой страны, не испытал ничего, кроме чувства придалности, столь нехарактерного для бойца Красной Армии?

Разочарование постигает читателя и при ознакомлении со стихами Галины Морозовой, напечатанными в № 3-4 журнала «Октябрь» за 1946 год. По своей литературной мере стихи Морозовой неоригинальны. Очень сильно здесь влияние Пастернака, но не так произвольная лёгкость, таящая в себе, реалистическому уюту, а как раз наиболее отрицательных сторон его творчества. Нарочито усложнённый синтаксис, нагромождение прозаических, зыбких ассоциаций — всё это очень сильно в стихах Морозовой. Но куда всего того, что они пусты, малосодержательны. Любозное толме-

ние, скорбное одиночество — вот чем делится Морозова с читателем:

«И, расчётен во какавше,
Вашей аичачивать не знаю,
Подаря мне только кавалы,
Тыя, котрым ты болел,
Только невольный воздох,
Чужовая лаборова почта,
Тех, что сохранил не смог».

Всё это очень манерно, очень слышно и, пусто. С подобной бездельностью и безлостью мысли являл ли Г. Морозова сможет достичь серьёзных успехов. Её стихотворные упражнения лежат далеко в стороне от того пути, на который вывел нашу литературу Маяковский. «Когда же поумит, что поэзия глупа, что место чужко и время сёр» — спрашивал Маяковский. Этот вопрос, к сожалению, не потерял и по сей день своей актуальности.

Неправильно было бы старательно и придирчиво искать в стихах молодых поэтов мотыли «мыль». Не всякая являя, не всякое — подчас горькое — раздумье над ранями и страданиями народа в дни войны есть мыль. Советская поэзия — правда, честно, Советские люди с великим уважением относятся к памяти тех безмянших героев, которых волежия в шар земной, как будто в мазоловль (строка из стиха С. Орлова). Темя героев, отдавших свою жизнь за родину, не устареет и не утратит никогда. Вся богатая гамма чувств и переживаний советского человека должна найти себе место в поэзии. Важно только, чтобы частные детали не закраивали перед поэтами больших и радостных перспектив исторического развития нашей Родины, нашего народа.

Присутствуя появление молодых талантов, всецело поощряя их рост, никогда нельзя забывать, чему служит советская поэзия. Поэт не может быть воспитателем молодёжи, если он не вооружён передаными илиими иного поколения. Поэт должен быть над поэтической формой кое-как, приблизительно. У нас в стране широко открыта дорога всему талантливому, молодому, подлинно творческому. Тем более беспощадно должны быть к провинциям поэтического бездумья, чуждого советской культуре эстетства, бездельности и халтуры.

С. ЛЮБУШКИН

ВОСПОМИНАНИЕ

Под утро выдалась минутка,
Прегорозова тишина.
Мы вышли к рощице. «Примотнан» —
На карте значилась она.

В местах, где только лишь название
Могло напомнить о былом,
Случайно уследивши в пламени
Она казалась островком.

Казалось нам: под лепет листственный
Дерева вышли погулять.
А мы давно уж только выстрелы
Привыкли музыкой считать.

Приняв шеюю загробулю,
Я видел: поживой боец
Прияка к груди берку белую,
Как докчу малую отечу.

Глаза солдата и крестьянина
Живой наливались тоскою...
Мы огляделись: как изрванна
Была та рощица войной!»

Зналы просеканы узкими
Следы тараных громад,

И странные берёзки русские
Лежали, скошенные в ряд.

Была растоптана, поругана
Поляна родной земли...
Без слоз взглянула друг на друга мы —
И подылиась и в бой пошла.

И может быть, весною звонкою,
Когдаи пройдёт пора тревог,
Я заверну сюда сторонкою
И, веткой миль обив с сапог,

Присяду отдохнуть к дороге я
В привитой мирной тишине.
И молодые, тонконогие
Берёзки выбегут ко мне.

В зелёных шапках кабын-парубки
К ним, поодобносье, подойдут,
Возмуются в хорозаде за руки
И песню русскую споют.

Споют сердечную, любимую,
А я им тоже подтяну
Про милую, непобедимую
И вечно юную страну.

И. ИЗРАИЛЕВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Казалось бы, героев не вершить,
Прочитав последние страницы...
Причём а в общежитиях молодёжи.
И каждый подвиг в памяти хранится.

И каждый образ явнит, как живой,
Всей радую песенного лада,
Как будто бы спавший Кошевой
Приякал к комсомольцам Сталинграда.

И верно, что Громова живёт,
Что в нозых днях задор её нетленен,
Что добровольцами на тракторный завод
Приякши Шевцова и Тарасенин.

Настало это было стать могло,
Так чётко пульс их продолжает биться,
Там Сталинградом было тяжело
Пережидать последнюю страницу,

Что не закрётся книга на столе.
А утрю, на неё узнал дух солда...
Живит на возрождаемой земле
Книги родник — отгава Краснодонца!

В нас Молодая Гвардия жива.
Её пример только первая берца нам.
А книга — только первая глава
О юности и жизни бесконечной.

ВАСИЛИЙ СМЫСЛОВ

Когда Васе Смыслову исполнилось восемь лет, дядя подарил ему книгу Алехина «Мои лучшие партии», сделана из них валлиси: «Вздухуем чемпионом». Эта книга до сих пор хранится в его библиотеке. Учителем в детстве Василия Васильевича Смыслова.

Шахматы пользовались в семье Смысловых большой любовью. Первым шахматистом учителем в детстве был отец Василий Иосифович, игравший примерно в силу первой категории. С тринадцати летами шахматная фигура мальчугана постоянно была в движении, он в шестилетнем возрасте и сразу же страстно полюбил эту трудную и умную игру.

Успехи в овладении шахматным искусством сделали одного из друзей, и вскоре постоимым партнером Василия — отцу в лице — стало не под силу давать мальчугану фигуру вперед. Совершенствованию в игре он был обязан не только своим руководителем, но и собственной настойчивости и серьезному отношению к шахматам.

Наряду с практическими партиями Васю чрезвычайно привлекало решение шахматных задач, особенно стилем. Подлинный ум мальчика легко распускала замысловатая хитросплетенная ходов. Любая к решению этого сложного задания, что Вася равно стал на путь самостоятельного творчества. Кроме того он приобрел необычайно ценные знания для формирования охватывающей партии, где волеводство итог азеи прешествозванной борьбе.

Шахматы не мешали нормальному развитию мальчика. В них он учился отлично, и лишь если досугу посвящая любимой игре. Среди школьников у него вышлось знакомство дружба, также большое любителей шахмат. Юные энтузиасты не были предоставляли самим себе. Вася и его товарищи занимались в шахматной секции юнкорского Дома пионеров под руководством вандадата в шахматного мастера прекрасного педагога Ф. Фурманова. Молодой Смыслов вскоре стал заметно выделяться среди своих сверстников. Его игру уже в те годы характеризовало стремление к гармонии, к равновесию между стратегией и тактикой. Это не значит, что Смыслов не любил комбинаций и играл с охотой позиционной игрой, но что он сам говорит о своем стиле того времени: «Мне нравятся комбинационные моменты, и при обдумывании партии я всегда имею в виду. Немало партий я выиграл с помощью тактических ударов, находил в худшем положении, чем мой противник». Эти черты творчества Смыслова хладнокровие, ценность в защите плохих позиций, острый взгляд тактика — и в дальнейшем получили еще большее развитие.

Много способствовала шахматному росту Смыслова стадия Юных пионеров. Здесь впервые состоялось встреча с мастерами из соседних оздоровительной игры. С каждым годом приходилось задумываться о его дозеки. Смыслов уже стал грозой мастеров соседних.

Быстро росла и официальная шахматная квалификация Смыслова. Лишь в 1932 году он получил третью категорию, в начале 1936

года — вторую, а к концу того же года, когда ему было 15 лет, — первую.

Ежедневно юный Смыслов упорно работал над повышением класса игры, совмещаясь в теории, к которой, впрочем, всегда относился творчески, стремился изискать и разрабатывать новые, неиспользованные в теории.

1938 год принес Смыслову несколько важных побед. В Ленинграде со всех концов страны съехались, наиболее одаренные юные шахматисты. Первое место в этом

Смыслова то, что в 1933 году он, тогда шахматист первой категории, играл против Флора в сеансе одновременной игры, а спустя всего год он встретился снова, но уже как равный, в серийной турнирной партии. Смыслов добился почетного результата, смграв эту партию ничью.

В шахматах это — это не только искусство, но и борис, требующая большой выдержки, воли к победе, крепких нервов и хорошего физического состояния. Молодой мастер серьезно подго-

Гросмейстер В. В. Смыслов (справа) за партией с чемпионом Советии Шлегот Денкером во время матча СССР — США.

Фото О. Небаева

турнире молодости уверенно занял Смыслов. Он стал шахматным чемпионом Советского Союза по группе юношей.

После ряда успешных выступлений в качестве игрока первой категории Смыслов в чемпионате Москвы впервые один из олимпийских турниров в составе сборной Москвы в составе чемпионов столицы и с шестью мастерами из этого испытания. Он добился победы, развел с чемпионом Владимиром Коровиным второй приз. За эту крупнейшую победу он получил звание мастера.

Первое выступление Смыслова как мастера состоялось в начале 1939 года в исключительно серьезном соревновании — тренировочном турнире сильнейших советских шахматистов (кроме М. М. Ботвинника) при участии победителя только что закончившегося Амстердамского турнира, Кереса, чемпиона США Реневского и Флора. В первой половине турнира Смыслов держался в группе лидеров, но затем в его игре, естественно, оказалась недостаточная оптика и выдержка. Определив нескольких мастеров, он разделил 12-е и 13-е место, правда, в почетной компании с гросмейстером Кересом.

Игра Смыслова привнесла большое впечатление на победителя турнира гросмейстера Флора, и он, не колеблясь, предсказал ему большое шахматное будущее. Показательно для быстрого роста

тозиася к XII чемпионату СССР. В этом состязании лучших из лучших советских шахматистов участвовали четыре гросмейстера во главе с блестящим чемпионом Советского Союза М. М. Ботвинником и шестидестью мастерами, прошедших трудный отбор в полуфинальных турнирах. Вся армия оставалась в ведущей группе, Смыслов после 14-го тура был лидером турнира, набрав 10½ очков и в ее проиграл лишь одной партией. Но вскоре оказалось слишком большое напряжение борьбы. В последняя пятитурная Смыслов набрал 2½ очка, потерял два места в турнире! — от Макагонина. Оставаясь лишь на пол-очка от победителя чемпионата Володарского и Липшица, разделивших первые два места, он занял третье место, опередив Кереса и Ботвинника. Это крупнейшее достижение сразу же выдвинуло Смыслова в первый ряд советских шахматистов.

Через несколько месяцев (в начале 1941 года) Смыслов, как один из шести игроков XII чемпионата, принял участие в абсолютном матч-турнире на звание лучшего игрока СССР. Неудачно начав эту соревнование сильнейших, он после первого круга имел лишь полтора очка из пяти. Но плохой старт не сломил его боевого духа, а в следующем круге он сумел набрать три очка. В

итоге Смыслов, как и в XII чемпионате, занял третье место, оставаясь от Ботвинника и Кереса, во оеребрии Володарского, Липшица и Володарского.

Инициатором создания Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта преусудил Василий Васильевич Смыслов, а затем председателем СССР по шахматам. Один из талантливейших игроков и пионеров советской шахматной школы, двадцатилетний Смыслов становится самым молодым гросмейстером мира.

Началась Великая Отечественная война, но культурная, в том числе в шахматной, жизнь в Советском Союзе не замерла. В течение трех лет подряд, в 1942, 1943 и 1944 годах, Смыслов — бессменный чемпион столицы. В XIII всесоюзном чемпионате 1944 года он вновь продемонстрировал высокий класс и дал немало прекрасных образцов шахматного творчества.

В памятный разномыслие СССР — США Василий Смыслов играл на второй доске сборной шахматной команды Советского Союза. Его противником был представитель сильнейших шахматистов мира — американский гросмейстер Реневский. Обе сыгранные партии закончились ничью.

Вотная фантазия, необычайная трактовка позиции, неординарные тактические удары, часто связанные со сложными, но выходящими из обычного расчёта жертвами пешки, а в то же время высокая техника, особенно в эндшпиле, при реализации достигнутых преимуществ — вот черты, характерные для игры Смыслова.

Наши дни год занимает особое место в шахматной биографии Смыслова. Исключительно удачно были выступления гросмейстера в ряде международных турниров. В матче Москва — Прага Смыслов набрал в очках из 12 в радиоматче с Великобританией выиграл обе партии у сильного английского шахматиста Кенга. Между тем в турнире в голландском городе Гронингене привнес Смыслову третий приз. С большой выдержкой провёл он это сложное и трудное соревнование, проиграв из девятидвух партий лишь одну — победителю турнира Ботвиннику — и победив второго призёра, голландца, мастера Янзе. В союствии с ним так дано в Москве матче СССР — США Смыслов снова привнес особое впечатление, показав превосходные очки, выиграв за третий доской обе партии у чемпиона США Денкера, являясь первой из них признаётся лучшим игроком матча.

Мировая шахматная общественность с большим интересом следящая за выступлениями гросмейстера В. В. Смыслова, особенно выдвинула его в число сильнейших современных шахматистов, которые в 1947 году должны заменить между собой занявшие чемпионство.

Шахматный гросмейстер В. В. Смыслов, как и другие советские мастера, неосторожно от нежелательного расцвета шахматного движения в СССР, где шахматы благодаря поддержке государства достигли своего высшего, беспрецедентного, уровня миллионы трудящихся.

В НАУЧНЫХ ЛАБОРАТОРИЯХ СТРАНЫ

● Недавно сотрудники Института молибдена в Академии наук СССР установили, что в коре полупроводника есть участки, которые не несут нагрузку. Эти участки — резервы нашего молибда. Они несут нагрузку, когда этого потребует, например, техника. Новые сложные открытия и усовершенствования так могут изменить условия молибденовой деятельности, что участки коры, находящиеся теперь в зачаточном состоянии, разовьются, и у молибдена появятся новые полезные условные рефлексы.

● В лаборатории административного Государственного оптического института лауреат Сталинской премии Е. М. Врубергер разработала новый способ рассматривания в микроскоп различных тел. В микроскопе Врубергера используется невидимый ультрафиолетовый свет. Изобретение становится видимым благодаря действию ультрафиолетовых лучей на экран, покрытые флуоресцирующим составом. Этот новый микроскоп позволяет слышать цветные изображения объектов исследования, так как разные вещества в составе тел по-разному поглощают ультрафиолетовые лучи. А от стенок их по-

глобильно зависит и цвет изображения на экране. Таким образом, микроскоп Врубергера даёт возможность делать быстрые химические анализы по цветному изображению на экране микроскопа.

● В Институте машиноведения Академии наук СССР сконструированы установки для сверскопической рентгенографии и для микрогратного рентгенографирования.

Применение нового аппарата даёт возможность снимать явления, происходящие внутри твёрдых тел. При помощи сверхкороткой рентгенограммы можно следить за процессом проливания пудры брони, за их взаимной деформацией. Скопированные рентгенограммы просвечивания позволяют наблюдать за кристаллизацией сплавов, за ростом отдельных кристаллов в них. Просвечивание металлических деталей, подверженных микротрещинам, позволяет наблюдать за ростом трещины — ударом и т. д., — можно получить новые данные, важные для повышения прочности сооружений.

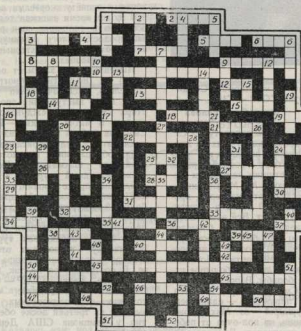
Получаясь некрой, на чгетовые оснащённый объект съёмки, и рентгеновской аппаратуры, удаётся одновременно получать и фотогра-

фический снимок и рентгеновский. Благодаря этому при исследовании взрывов выявляются не только внешние контуры газового облака, запыленного взрывом, но и структура снаряда, но и устанавливается распределение массы взрывчатого вещества, осколков металла.

● В пятнадцатилетие 1946—1950 годов советские минералогы будут заниматься проблемой искусственного получения минералов. Работы в лабораториях учёные могут создавать сверхвысокие давления и очень высокие температуры, что примерно соответствует условиям в недрах Земли, в которой зародились минералы и в земной коре. Синтез минералов не только позволяет изучать процессы, сопровождающие их образование; в природе, но и устанавливать причины разрушения и исчезновения минералов в горючих условиях. Но в же время синтез минералов — это рудник в лаборатории или на заводе: так можно получать нужные для промышленности минералы. Например, синтез кварца, необходимого для радиотехнических целей, рецепт получения этого минерала в природе, его источники которого крайне ограничены.

КРОВОБОР

Составил М. Рассказкин

По горизонтали:

1. Драгоценный камень. 2. Травя. 3. Краска. 4. Пушная зверь. 5. Сельскохозяйственная постройка. 6. Крестка для лица. 7. Материал. 8. Коринф. 9. Кулинария. 10. Род художественной литературы. 11. Число. 12. Песчаная мель. 13. Морская рыба. 14. Перелётная птица. 15. Промышленная. 16. Погодок. 17. Стремительное продвижение войск в бою. 18. Рисунок или скульптура в орнаменте на изделии.

19. Морское животное. 20. Изделие из джута или другого волокна. 21. Стрелковое оружие для штурма крепостей. 22. Струнный народный инструмент. 23. Военное подразделение. 24. Собрание. 25. Лес. 26. Собрывающийся массив. 27. Старое название перекладки, поддерживающей кровлю избы. 28. Лесозаготовка. 29. Вонючий напиток. 30. Частица материи. 31. Угрю. 32. Оазис. 33. Ответствие. 34. Часть полости рта. 35. Женское имя. 36. Музыкальное произведение. 37. Неполноценное про-

дукция. 38. Древнее название жёсткого рукоящего боя. 39. Медицинский инструмент. 40. Растворимость. 41. Палеонтолог. 42. Вид стихотворения. 43. Электрический преобразователь. 44. Вид железнодорожного транспорта. 45. Большой голый паук. 46. Занавеска. 47. Уралик. 48. Обязательство. 49. Полезное ископаемое. 50. Русский поэт. 51. Имятвие. 52. Нептун.

По вертикали:

1. Газ. 2. Птица. 3. Горы в Норвегии. 4. Котомка. 5. Фрукт. 6. Указатель пути. 7. Переделка. 8. Лоток. 9. Воробей. 10. Кошачий грохот. 11. Ночной охотник. 12. Контрфорсное изделие. 13. Часть здания. 14. Недостаток. 15. Нептун. 16. Равнина. 17. Сооружение географического карт. 18. Насосное. 19. Старинная русская монета. 20. Старый инструмент. 21. Вооружённая группа. 22. Штурм. 23. Палея. 24. Походная весть. 25. Лодка. 26. Нововведение. 27. Старинный артиллерийский снаряд. 28. Залпигина. 29. Алмазное изделие. 30. Предварительный день. 31. Угольдавшая соль. 32. Зерновая культура. 33. Часть аэлометра. 34. Неиспользуемая часть изделия и изделия. 35. Город в Советском Союзе. 36. Лишнее. 37. Извозчик. 38. Сильное бродящее. 39. Клятва. 40. Стабилизатор. 41. Зверь. 42. Укрепление. 43. Угар. 44. Убежище зверя. 45. Река в СССР. 46. Военское учреждение. 47. Мебель. 48. Животное. 49. Железнодорожный. 50. Главная мысль художественного произведения. 51. Большой сад. 52. Зыгичка. 53. Погода. 54. Святая орешка шерсть.

СМЕНА
В МОЩЕРЕ

И. Ротин — В ранний период деятельности вождя.

Сергей Колдунов — Душа огня.

Инж. А. Морозов — Януг.

Борис Крицкий — Без права на жизнь...

Мысли и афоризмы.

Ан. Тарасенков — Творчество молодых поетов.

С. Лубяшкин — Воспоминание.

И. Израйлев — Молодая гвардия.

А. Иглицкий — Василий Смыслов.

В научных лабораториях страны. «Дорогу «Малютка» — дружеский шарж А. Житомирского.

Календарь «Смены». Кривошворд.

На первой странице обложки: «Восстановление Днепровца» — рисунок художника В. Климашина.

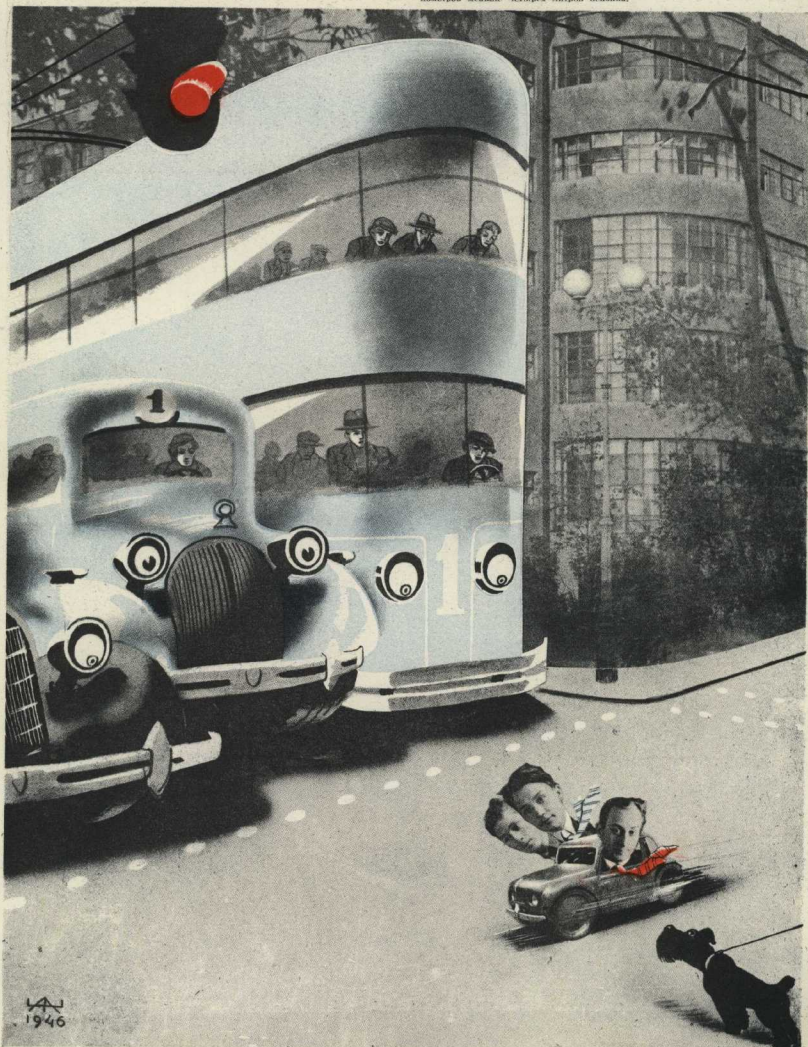
На первой странице: «Московский государственный университет» — фото Ю. Ерёмина.

На вкладках: композиция художника А. Житомирского и фото Г. Борисова.

Оформление номера художника В. Урина.

Дмитрий Жуков, Виктор Лавинин и Олег Маликов, студенты Московского автомобильного института, сконструировали и построили самый маленький детский автомобиль — «Малютка». Несмотря на очень небольшую мощность мотора, «Малютка» развивает скорость 80 километров в час, расходует на 100 километров меньше четырех литров бензина.

Дорогу «Малютки»!

Дружеский шарик А. Житомирского

Ещё два месяца назад Тамара Бозова была служащей планового отдела Московского инструментального завода. Сейчас она перешла на производство и успешно осваивается с работой на шлифовальном станке.

Фото Г. Ворпсова